

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Уральский гуманитарный институт

Кафедра издательского дела

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ ПЕРЕД ГЭК

Зав. кафедрой _____

« 25 » января 2019 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ
РЕДАКТОРСКАЯ ПОДГОТОВКА МЕМОРИАЛЬНОГО ИЗДАНИЯ
(на примере книги «Азбука имени. Роман Тягунов в воспоминаниях,
интервью, мнениях и критике»)

Научный руководитель: канд. филол. наук,
доцент Ю. С. Подлубнова

Нормоконтролер: А. В. Ланских

Студент группы: УГИЗМ-362902 М. М. Волкова *Вол.*

Екатеринбург
2019

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

Уральский гуманитарный институт

Кафедра издательского дела

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ ПЕРЕД ГЭК

Зав. кафедрой _____

« _____ » _____ 2018 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ
РЕДАКТОРСКАЯ ПОДГОТОВКА МЕМОРИАЛЬНОГО ИЗДАНИЯ
(на примере книги «Азбука имени. Роман Тягунов в воспоминаниях,
интервью, мнениях и критике»)

Научный руководитель: канд. филол. наук,
доцент Ю. С. Подлубнова

Нормоконтролер: А. В. Ланских

Студент группы: УГИЗМ-362902М. М. Волкова

Екатеринбург
2018

РЕФЕРАТ

Магистерская диссертация «Редакторская подготовка мемориального издания (на примере книги «Азбука имени. Роман Тягунов в воспоминаниях, интервью, мнениях и критике»)» состоит из двух частей. Магистерская диссертация содержит 75 страниц. В списке литературы содержится 50 библиографических единиц.

Цель исследования – подготовка и выпуск мемориальной книги «Азбука имени. Роман Тягунов в воспоминаниях, интервью, мнениях и критике» (изд-во «Кабинетный ученый», 2017).

Объект: современные мемориальные издания.

Предмет: редакторская подготовка современных мемориальных изданий.

В первой главе проанализированы словарные статьи и научная литература, посвященная мемориальным изданиям, охарактеризованы содержательные и структурные особенности, а также выявлена роль издания в процессе мифологизации объектов действительности.

Во второй главе сформулирована концепция мемориального издания «Азбука имени», включающая особенности отбора и структурирования материалов для основного текста, выбора состава аппарата издания и т. п. Также во второй главе выявлена специфика редактирования рукописи «Азбуки имени» на разных этапах, с учетом влияния на этот процесс принадлежности книги к мемориальным изданиям.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. МЕМОРИАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ КАК ВИД ИЗДАНИЙ, ВЫПУСКАЕМЫХ В ЧЕСТЬ СОБЫТИЙ И ЛИЦ.....	7
1.1 Коммеморация как цель изданий, выпускаемых в честь событий и лиц.	7
1.2 Структурно-содержательные особенности мемориального издания.....	20
ГЛАВА 2. РЕДАКТОРСКАЯ ПОДГОТОВКА МЕМОРИАЛЬНОГО ИЗДАНИЯ «АЗБУКА ИМЕНИ: РОМАН ТЯГУНОВ В ВОСПОМИНАНИЯХ, МНЕНИЯХ, ИНТЕРВЬЮ, КРИТИКЕ».....	37
2.1. Концепция мемориального издания о Романае Тягунове.....	37
2.2 Специфика редактирования рукописи мемориального издания о Романае Тягунове.....	48
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	67
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	71

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время неопределенность и быстрые перемены, возникшие из-за всестороннего «переустройства и трансформации общества», порождают в людях чувство незащищенности и одиночества, побороть которые способно ощущение коллективной идентичности [Романовская, 2015: 81]. Особое значение для ее обеспечения имеет «сохранение в общественном сознании памяти о значимых событиях прошлого» [Антипин, 2012: 79] – коммеморация.

Заметную роль среди коммеморативных практик играет выпуск издательской продукции, а именно изданий, выпускаемых в честь событий и лиц, к которым относятся юбилейные и мемориальные издания. ГОСТ 7.60-2003 СИБИД «Виды изданий» характеризует оба вида достаточно обобщенно, а справочная литература содержит противоречивые определения и нередко игнорирует понятие мемориального издания (Реклама и полиграфия: опыт словаря-справочника / С. Стефанов. – М. : Гелла-принт, 2004). Юбилейное издание составляет научный интерес целого ряда ученых (С. Н. Синегубов, М. Г. Пономарева, А. А. Калинина, Е. Ю. Козьмина, Н. Н. Зипунникова, Е. А. Вишленкова, А. Н. Дмитриев и др.), а мемориальное – заметно реже становится объектом исследования.

Подобное игнорирование мемориального издания не остается бесследным. Некоторые авторы (Е. Ю. Козьмина, Н. Н. Зипунникова, Е. А. Вишленкова, А. Н. Дмитриев) замечают растущее недовольство ученого сообщества и рядового читателя спецификой отбора и обработки материала в формате юбилейного издания, которое, по всей видимости, не способно удовлетворить абсолютно все коммеморативные потребности общества.

Таким образом, **актуальность** исследования в целом заключается в слабой изученности мемориальных изданий, в том числе в аспекте специфики их редакторской подготовки.

Объект: современные мемориальные издания.

Предмет: редакторская подготовка мемориальных изданий.

Цель – подготовка и выпуск мемориальной книги «Азбука имени. Роман Тягунов в воспоминаниях, интервью, мнениях и критике» (изд-во «Кабинетный ученый», 2017).

Задачи:

- дать характеристику мемориальных изданий;
- рассмотреть структурно-содержательные особенности и аппарат мемориальных изданий;
- представить специфику формирования концепции мемориальной книги «Азбука имени. Роман Тягунов в воспоминаниях, интервью, мнениях и критике»;
- выявить особенности редакторской подготовки мемориального издания «Азбука имени».

Цель и задачи обусловили **структуру исследования**. В первой главе проанализированы словарные статьи и научная литература, посвященная мемориальным изданиям, охарактеризованы содержательные и структурные особенности, а также выявлена роль издания в процессе мифологизации объектов действительности.

Во второй главе сформулирована концепция мемориального издания «Азбука имени», включающая особенности отбора и структурирования материалов для основного текста, выбора состава аппарата издания и т. п. Выявлена специфика редактирования рукописи «Азбуки имени» на разных этапах, с учетом влияния на этот процесс принадлежности книги к мемориальным изданиям.

Материал исследования – мемориальные и юбилейные издания.

Методы исследования включают методы эмпирического исследования: наблюдение – восприятие свойств мемориальных и юбилейных изданий на конкретном материале, описание – фиксация сведений полученных в процессе наблюдения или выявленные авторами научной литературы, сравнение – сопоставление отдельных изданий, поиск сходств и различий между ними, и др. Кроме того, использовались общелогические методы теоритического исследования: анализ – разложение определений изданий на составные части, индукция – на основе выявленной специфики редактирования, общей для ряда отдельных мемориальных изданий делается вывод о специфике редактирования мемориального издания как вида; дедукция – на основе известных особенностей мемориального издания как вида делается вывод о специфических чертах отдельного издания, и др.

ГЛАВА 1. МЕМОРИАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ КАК ВИД ИЗДАНИЙ, ВЫПУСКАЕМЫХ В ЧЕСТЬ СОБЫТИЙ И ЛИЦ

1.1 Коммеморация как цель изданий, выпускаемых в честь событий и лиц

В научном пространстве не существует подробной типологической характеристики группы изданий, выпускаемых в честь различных событий и лиц, включающей мемориальные и юбилейные. Действующие стандарты, определения справочников, пояснения исследователей противоречивы, зачастую оторваны от практического применения.

Авторы многих справочников, поясняя понятие мемориального издания, строго придерживаются определения, данного в ГОСТ 7.60-2003 СИ-БИБД. Так, вслед за стандартом в Словаре стандартизованной терминологии по информации, библиотечному и издательскому делу мемориальное издание определяют следующим образом: «издание, выпущенное в ознаменование какого-либо события или посвященное памяти какого-либо лица» [Словарь стандартизованной терминологии по информации, библиотечному и издательскому делу, 2007: 62]. Иначе говоря, цель такого вида издания – сделать значимым некое событие или умершего человека, отдать ему дань памяти. Такая цель превращает мемориальное издание в один из инструментов коммеморации, способствующему сплочению общества «через разделяемое отношение» к прошлому [Антипин, 2012: 79].

Уместно добавить, что коммеморативным потенциалом, сплочению через разделение отношения к чему-либо, благодаря «эмоциональному воздействию» [Воробьева, 2015: 248–249], способности «перемещать воспоминание в сакральное пространство» [Нора, 1999: URL: <https://clck.ru/F3Erw>], обладают различные виды памяти, а не историческая наука при всей ее объективности. Именно память, как отмечает Б. Гене, определяет общность «социаль-

ных групп, политических обществ, цивилизаций» [Гене, 2002: 19]. В тоже время в современной ситуации «субъективный опыт и объективный анализ» нередко дополняют друг друга в работах историков [Ассман, 2014: URL: <https://clck.ru/F3Ero>]. Иными словами, коммеморативным потенциалом обладают самые разные тексты при условии, что им свойственны этическая, эмоциональная ориентация на конкретный, не универсальный круг лиц, не дающая живой памяти перейти в сухое знание о прошлом [Там же: URL: <https://clck.ru/F3Ero>].

Таким образом, на первый план в определении ГОСТ выходят такие компоненты, как эмоциональная подача, коммеморативная цель, в то время как компонент содержания, структуры, оформления и повода выпуска стандартом не обозначается.

Близко к мемориальному изданию, по определению ГОСТ, юбилейное издание, трактуемое как «издание, приуроченное к юбилею какого-либо события, лица, организации и, как правило, улучшенного оформления» [ГОСТ 7.60-2003. СИБИБД. Издания. Основные виды. Термины и определения, 2004: URL: <https://clck.ru/F3Es3>].

Приуроченность к юбилею вновь говорит о связи издания с явлениями культурной и национальной (политической) памяти. Память является продуктом некой «социальной группы», между тем, «история принадлежит всем и никому» [Нора, 1999: URL: <https://clck.ru/F3Eрw>]. Как отмечает немецкий культуролог А. Ассман, стремление общества сохранить в сознании память о чем-либо пробуждается периодически, а годовщины в свою очередь его стабилизируют, активируя «аффективное усвоение собственной истории» [Ассман, 2014: URL: <https://clck.ru/F3Ero>].

Особенностями юбилейного издания по определению становятся особое оформление и повод. Одновременно такие компоненты, как подача и цель, у изданий, выпускаемых в честь различных событий и лиц, близки.

Очевидно, что и мемориальное, и юбилейное издания являются формой коммеморации. Структуру изданий ГОСТ умалчивает в обоих случаях.

Таким образом, два определения изданий, находящихся в одной видовой группе, не содержат достаточного количества информации для разграничения юбилейных и мемориальных изданий.

Практика показывает, что издания, выпускаемые в честь различных событий и лиц, нередко соответствуют обоим определениям. Выпущенные в память о событии или лице, с целью увековечить, упрочнить его значимость в сознании читателя, они зачастую издаются по юбилейным датам и имеют дорогое, улучшенное или даже роскошное, оформление. Примером может служить неоднократно переиздаваемые в советский (1929, 1941, 1943, 1946, 1963, 1983, 1987) и постсоветский (2001, 2004, 2013–2014) периоды мемуары полководца А. А. Брусилова (1853–1926) «Мои воспоминания».

Исследователь А. А. Сальникова, изучая детские мемориальные тексты, отмечает серьезный коммеморативный потенциал рукописных жанров: сочинений, дневников, писем, альбомов, сказок, стихов и прочих [Сальникова, 2013: 331]. Аналогичный потенциал дневников, писем, мемуаров отмечает и Т. А. Смирнова [Смирнова, 2014: 96], ее исследовательский интерес сосредоточен на практиках коммеморации Первой мировой войны в Великобритании. Это позволяет судить о подходящем для выпуска издания в честь события или лица характере произведения А. А. Брусилова.

Созданный им текст упрочняет не только значимость личности полководца для российской истории, но и акцентирует внимание на «забытой, чужой войне» [Глебова, 2014: 93], которой «как бы нет в национальной памяти» [Там же: 93]. Тем не менее именно память о Первой мировой войне (1914–1918), как считают историки, способна, возродившись в сознании читателя, установить связь двух исторических пластов – дореволюционного и советского, а стало быть упрочнить их важность [Там же: 96].

Советские издания мемуаров А. А. Брусилова, даже выпускаемые в юбилейные даты, не отличались особым оформлением, по структуре были схожи. Тексту произведения предшествовала вступительная статья, были представлены черно-белые картографические иллюстрации, издание 1987 г. было дополнено второй частью воспоминаний полководца. Постсоветские издания отличаются большей полнотой: в аппарате издания появляются обширные комментарии, приложения, текст сопровождают цветные иллюстрации. Последние издания, печатаемые к 100-летию Первой мировой войны, были выпущены увеличенным форматом А4 в разных вариантах оформления, вплоть до роскошного издания в кожаном переплете.

Для установления границы между юбилейным и мемориальным изданием одного и того же произведения требуется дополнительная проработка типологии, потому что информации, представленной в ГОСТ, недостаточно, она оставляет слишком много вопросов. Так, разница между юбилейным изданием и мемориальным изданием улучшенного оформления, выпущенным в нужный срок, не явна. Например, если предположить, основываясь лишь на стандарте, что последнее издание мемуаров А.А. Брусилова – юбилейное, то вопрос о том, считать ли таковым издание 2004 г., выпущенное к 90-летию, значительно более скромное по оформлению, чем издания 2013–2014 гг., но более обширное по содержанию в сравнении с советскими вариантами, остается открытым.

Рассуждая о природе юбилейных изданий, М. Г. Пономарева и А. А. Калинина считают, что в случае этого вида издания «информационный повод должен быть масштабным, значимым, однозначным, актуальным и обладать положительной эмоциональной окраской» [Пономарева, Калинина, 2014: 55]. Действительно, слово «юбилей» в русском языке связано с такими позитивными по смыслу словами, как «праздник» и «торжество». По словарю С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой «юбилей – 1. Годовщина чьей-н. жизни, деятельности, существования кого-чего-н. (обычно о круглой дате). Двух-

сотлетний ю. университета. 2. Празднование по этому случаю. Приглашен на ю.» [Ожегов, 2006: 914]. Это слово не употребляется в контексте со смертью лица, с событием, связанным с массовой гибелью людей, вместо слова «юбилей» употребляются синонимы (200-летие со дня смерти, годовщина начала Первой мировой войны). Исключение – позитивное завершение трагического события, например, юбилей Победы в Великой Отечественной войне.

Как отмечает историк С. Н. Синегубов, Первая мировая война «продолжает оставаться дискуссионной» темой [Синегубов, 2015: 175]. В свете такого рассуждения не ясно, можно ли считать повод для выпуска мемуаров А. А. Брусилова в 2014 г. столь однозначным, положительным, праздничным, с точки зрения исхода Первой мировой войны, чтобы отнести это издание при всей его красочности и полноте к юбилейным.

Как уже отмечалось, годовщины и юбилеи стабилизируют стремление общества сохранить в сознании память о чем-либо. Естественно, что мировое книгоиздательство в такой особый период серьезно мобилизуется, используя повод в коммерческих целях: «рыночный модус отношения к культурной памяти – бизнес. Через шестьдесят лет после 1945 года выходят книги об окончании войны, к юбилею Моцарта появляются книги о Моцарте, к юбилею Гейне – о Гейне» [Ассман, 2014: URL: <https://clck.ru/F3Ero>]. Иными словами, годовщина, в частности – круглая дата, является объективной причиной для вспоминания и ознаменования события или лица, то есть потенциальным поводом для создания изданий, выпускаемых в честь различных событий и лиц.

Обращение к прочей справочной литературе выявляет еще одну проблему. Некоторые источники дают определение юбилейному изданию, четко формулируя в нем, в отличие от указания ГОСТа, компонент подачи содержания, но игнорируют понятие мемориального издания. Например, «юбилейное издание – издание, приуроченное к юбилею, которое обычно отличается нарядным оформлением и определенной положительной направленностью» [Ассман, 2014: URL: <https://clck.ru/F3Ero>].

стью содержания» [Реклама и полиграфия: опыт словаря-справочника, 2004: URL: <https://clck.ru/F3Est>].

Выражение «положительная направленность содержания», то есть наличие одобрительной оценки, согласия, позитивного настроения в содержании, слабо уточняет понятие юбилейного издания в сравнении с мемориальным и не дает повод отказаться от мемориального издания как вида. Ведь, как уже было отмечено, слово «юбилей» имеет позитивную коннотацию, но в то же время ошибочно говорить об исключительно радостной направленности издания, связанного с годовщиной гибели людей.

Стремление общества сохранить в национальной памяти событие или лицо обусловлено желанием «подтверждать чувство своего единства и общности», [Антипин, 2012: 79]. С утверждением, персональной, социальной, культурной идентичности личности связано и явление культурной памяти. Если, в конечном счете, цель изданий, выпускаемых в честь событий и лиц, в удовлетворении потребности общества и личности в идентификации, то справедливо отметить, что в этом деле совместный «траур имеет большее значение, чем триумф» [Ассман, 2014: URL: <https://clck.ru/F3Ero>].

Одновременно следует обратиться к значению слова «мемориальный», т. е. «служащий для увековечения памяти кого–чего-н. М. комплекс. Мемориальная доска.» [Ожегов, 2006: 350], а также необходимого для понимания слова «увековечить» – «1. кого-что. Сделать навечно памятным, прославить. У. память героев. 2. что. Сделать неизменным, незыблемым, вечным. Увековеченные обычаи» [Ожегов, 2006: 822]. В случае с анализом слова «мемориальный» очевидно, что оно более употребляемо в контексте траура, смерти, гибели, трагического завершения события.

Таким образом, уместно рассудить, что мемориальное издание в меньшей степени обремененное пафосом «положительности», имеет особый потенциал для коммеморации тяжелых событий и тех лиц, чья жизнь заверши-

лась трагически. Но, как справедливо отмечает Е. А. Андреева, вслед за сложившейся традицией: «о мертвых или хорошо, или ничего» [Андреева, 2004: 200]. Относя некролог к мемориальным текстам, исследователь анализирует тенденцию авторов к идеализации усопших. Их личностям подчеркнута «приписываются те черты <...>, которые признаны позитивными в данной культуре» [Там же: 200].

На этом этапе необходимо уточнить понятие еще одного вида издания – посмертного. Он относится к видовой группе изданий по принадлежности автору, издателю и ГОСТ определяет его следующим образом: «издание произведения автора, которое выпущено в свет вскоре после его смерти» [ГОСТ 7.60-2003. СИБИД. Издания. Основные виды. Термины и определения, 2004: URL: <https://clck.ru/F3Es3>]. В этом определении, в отличие от определений изданий, выпускаемых в честь событий и лиц, указано содержание – это произведение, вспоминаемого лица. В то же время понятен характер подачи этого произведения и коммеморативная цель издания в целом, а также повод. Оформление угадывается. Не уточнена лишь структура. Необходимо провести черту не только между юбилейным изданием и мемориальным, но также ограничить сферу интересов посмертного издания. Мемориальное издание может быть посмертным, если содержит произведение вспоминаемого лица и выпущено вскоре после смерти этого человека. «Жанна» (М. : Эксмо, 2017) Д. Шепелева, «Михаил Задорнов. Шеф, гуру, не звезда» (М. : Эксмо, 2018) С. Дроботенко и другие книги, вышедшие относительно вскоре после смерти людей, которым посвящены, но не содержат созданных ими произведений. Тем не менее практика показывает, что близость смерти накладывает на издателя дополнительные обязательства в выборе содержания и его подачи: системообразующим центром мемориального издания оказывается эмоционально насыщенный образ умершего лица, который запечатлелся в сознании его близких. Но ясно, что эти эмоции далеки от приподнятого

настроения, задаваемого юбилейным изданием. Иными словами, в рамках двух разновидностей изданий, выпускаемых в честь событий и лиц, коммеморация происходит по-своему.

Возвращаясь к теме игнорирования мемориального издания, отметим, что выделение в таком случае лишь юбилейного издания как вида, ведет к обесцениванию самой группы изданий, выпускаемых в честь событий и лиц. Так, Т. Маурер отмечает, что немецкие ученые с осуждением относятся к изданиям, выпускаемым к юбилею. Так, Н. Хаммерштайн подчеркивает «местнопатриотический пыл» [Маурер, 2015: 26] юбилейных книг, а Ч. Маккелланд – поверхностность. Аналогичную ситуацию в немецком ученом сообществе по отношению к юбилейному сборнику описывает и Е. Ю. Козьмина [Козьмина, 2014: 206].

Подробно о своем недовольстве пишут и в российском сообществе. Н. Н. Зипунникова, изучающая природу юбилейных изданий, обеспокоена их узким коммеморативным потенциалом: «юбилейная история – это совсем неподлинная история» [Зипунникова, 2016: 31]. Е. А. Вишленкова, А. Н. Дмитриев также считают, что университетская история, память и традиции в свете юбилея оказываются ущемлены «государственным дискурсом» [Вишленкова, 2013: 68].

По мнению Н. Н. Зипунниковой, эти юбилейные издания не терпят в своем содержании спорных, нелицеприятных, нерадостных, так называемых «анти-событий» [Зипунникова, 2016: 31]. Е. А. Вишленкова, А. Н. Дмитриев также обращают внимание на стремление издателей юбилейных книг не «трогать те стороны прошлого, которые не вписываются в беспроблемную картину поступательного неразрывного развития» [Вишленкова, 2013: 93]. Так, юбилейные издания зачастую игнорируют период революции и Гражданской войны. Исследователи отмечают тематическую узость, поверхностность, недостаточный потенциал для создания преемственности юбилейных изданий, а также открываемое такими книгами обширное поле

для «спекулятивного манипулирования университетской историей» [Вишленкова, 2013: 94].

Говоря о перспективах издательской деятельности, посвященной университетской традиции, памяти, Н. Н. Зипунникова полагает, «что скрупулезное научное исследование, основанное на разных источниках, <...>, а также взвешенная, не отягощенная лишь юбилейным пафосом риторика придадут изданию правильный вектор» [Зипунникова, 2016: 31].

Представляется, что глубина научного исследования, если речь идет о научном издании, и отсутствие «юбилейного» пафоса – это именно те качества, которые могут определять специфику мемориального издания. Очевидно, что этот вид издания обладает своей эмоциональной спецификой – скорбной, трагической, сдержанной. Но историческая наука и память в рамках такой коммеморации не вступят в конфронтацию: в настоящее время «научно-историческая и мемориально-ориентированная трактовка прошлого» в работах историков способны «дополнять друг друга» [Ассман, 2014: URL: <https://clck.ru/F3Ero>].

Издания, выпускаемые в честь событий и лиц, являются медиаторами символически опосредованных форматов памяти: культурной и политической. Таким образом, к видовой группе изданий, выпускаемых в честь событий и лиц, относятся издания, различные по составу основного текста и знаковой информации, эмоционально направленные, адресованные определенной читательской аудитории, связанные с функционированием различных форматов памяти. Разница между культурной и политической обуславливает ряд свойств, в той или иной степени присущих и для мемориальных, и для юбилейных изданий.

Оба формата памяти, по мнению А. Ассман, имеют в качестве цели – «передачу опыта и знаний из поколения в поколение» [Ассман, 2014: URL: <https://clck.ru/F3Ero>]. Но по своей структуре культурная память – изменчивое, неоднозначное образование, она разделена на функциональную и накопи-

тельную. Первая – своего рода «постоянная экспозиция», а вторая – «запасники» [Там же: <https://clck.ru/F3Ero>]. Реалии культурной памяти переходят из одной структуры в другую, в зависимости от их актуальности для общества на сегодняшний день, или забываются окончательно. Политическая память, напротив, «ориентирована на единство и однозначность» [Там же: <https://clck.ru/F3Ero>].

Политическая память тяготеет к коллективности усвоения, к ритуалу. Для ее репродукций характерны «чрезвычайная плотность содержания, высокая символическая интенсивность» [Там же: <https://clck.ru/F3Ero>]. Культурная память «характеризуется необходимым многообразием воплощения» [Там же: <https://clck.ru/F3Ero>] во всех возможных медиаторах, которые воспринимаются индивидуально. Наконец, политической памяти не чужда инструментализация прошлого, стремление привести его к единообразию, «редуцируя события до мифических архетипов» [цит. по Ассман, 2014: URL: <https://clck.ru/F3Ero>]. Культурной памяти, в силу особенностей ее структуры, это несвойственно, она открыта для интерпретаций и переосмысления.

Очевидно, что в зависимости от целей, повода и тематики изданий, выпускаемых в честь событий и лиц, они служат тому или иному формату памяти. Условно показав на временной оси поводы для выпуска, представим тяготение мемориальных и юбилейных изданий к тому или иному формату памяти.

Начнем с изданий, посвященных лицу. Прижизненный этап лица освещается юбилейными изданиями, создаваемыми по преимуществу требованиями политической памяти. С одной стороны, они могут в равной степени стремиться к мифологизации образа лица и к подведению итогов и переосмыслению его деятельности. С другой – юбилейные издания чаще сопровождают коллективные празднества, в рамках которых возможны совместные читки и обсуждения издания.

Момент смерти лица может быть ознаменован выпуском посмертного мемориального издания, которое подводит итог, переосмысляет и интерпретирует пройденную жизнь. В исключительных случаях это означает «почти мгновенный переход в бессмертие» [Сергеева-Клятис, 2015: 72], то есть мифологизацию, как произошло, по мнению А. Ю. Сергеевой-Клятис, с В. Ф. Комиссаржевской после выхода некролога А. А. Блока, напечатанного 12 февраля 1910 г. в газете «Речь». Именно этот мемориальный текст послужил толчком для создания в дальнейшем мифа об актрисе.

Мемориальные издания обладают мифологизирующим потенциалом, но он отличается от аналогичного потенциала юбилейного издания. Мифологизация, как процесс, направлена «на перекодировку» знакового прошлого «в повседневную, привычную социуму и человеку, обыденность» [Цыганков, 2014: 22], затем упрощенное событие по-новому оценивается.

Представляется, что мемориальное издание в большей степени нацелено именно на постепенную перекодировку, «редуцирования незнаемого, необычного и влиятельного (меняющего обыденность и привычность) к обычному» [Цыганков, 2014: 23] и только намечает возможную оценку, а ее формирование становится целью юбилейного издания. И в исключительных случаях два этапа происходят молниеносно.

Содержание третьего периода варьируется. Во-первых, может наступить состояние «дефицита скорби» [Ассман, 2014: URL: <https://clck.ru/F3Ero>], т. е. неспособности вспоминать, вследствие вины или травмы. Преодоление этого состояния посредством публичных коммемораций позволит перейти к следующему этапу. Во-вторых, если общество готово принять факт смерти лица, то осмысление происходит через публичные коммеморативные практики, в числе которых может быть выпуск мемориальных изданий – но это лишь «часть работы по сохранению памяти» о ком-либо [Демин, 2015: 141]. В обоих случаях вспоминание может исходить как «снизу», от общества, в формате культурной памяти, так и «сверху», в формате политической памя-

ти. Однако на этом этапе существует риск излишней инструментализации воспоминаний, в таком случае издание не будет принято обществом в качестве медиатора памяти.

Через пятнадцать – тридцать лет, несколько ранее или позднее, со сменной поколения, намечается принятие и осмысление обществом факта смерти лица, наступает период равных возможностей для выпуска мемориальных и юбилейных изданий. По мере последующего отдаления от осмысленного факта смерти будет расти стремление приурочить издание к годовщине рождения лица, необходимость в выпуске мемориальных изданий будет ослабевать, а юбилейных, напротив, возрастать.

Такое положение будет актуальным лишь в случае непреходящей актуальности наследия вспоминаемого лица, ведь «память всегда обусловлена заинтересованностью» [Репина, 2003: 12]. Американский славист М. Левитт, говоря о мифологизации образа А. С. Пушкина, отмечал, что интерес к празднованию столетия со дня рождения поэта показывает «явное стремление сделать отечественную словесность частью официальной культуры и укрепить традиционную монополию государства на национальную идею выдвинув требование по достоинству оценить роль литературы в формировании нового российского представления о себе» [Левитт, 1999: 24].

Если рассмотреть современные издания, выпущенные в честь лиц, живших значительное время назад, чью смерть общество осмыслило, то можно обнаружить еще одну тенденцию. Такого рода издания могут поддерживать жизнеутверждающий пафос, анализировать наследие умершего, но выпускаться не к его юбилею. Например, книги подарочной серии «Подарочные издания. Великие полководцы» (М. : Эксмо, 2011–2016), которые, в числе других подобных, подаются издателями как поучительные, назидательные. Такая подача связывает издания с форматом политической памяти, для которой характерна инструментализация прошлого.

Издания, выпускаемые в честь лица, могут быть расположены на более сложной временной оси. Например, в случае если лицо при жизни было участником каких-либо тяжелых, травмирующих событий, о которых обществу не хочется хранить память. С одной стороны, негативный опыт может быть подвергнут забвению, с другой – постепенно осмыслен.

Расположить на подобной временной оси поводы для выпуска изданий в честь организаций заметно сложнее. Особенность в том, что жизненный путь организации зачастую более продолжительный, чем человеческая жизнь, а также включает в себя истории разных людей, а значит, содержит потенциально больше поводов, которые можно ознаменовать выпуском издания.

В случае с построением временной оси поводов для изданий о событии проявится заметная разница. События могут быть позитивными и негативными, кратковременными и продолжительными, включающими разное количество участников и подсобытий. В зависимости от этих факторов на оси может появиться различное количество этапов, каждый из которых отвечает разным коммеморативным потребностям общества. В рамках масштабных трагических событий необходимость в выпуске мемориальных изданий заметно усиливается и продлевается через поколения. Политической памятью такие издания используются, например, в рамках книг памяти УМВД, «для воспитания у молодого поколения сотрудников верности служебному долгу, чувства ответственности за судьбу России» [Лозовский, 2017: 105]. Одновременно на сегодняшний день «идентификация павших, установление судеб и увековечивание их имен», посредством в том числе книг памяти и других мемориальных изданий, остается потребностью обществ государств, переживших Вторую мировую войну [Садовников, 2010: 272].

Отвлечение любого способа коммеморации от этих потребностей, может привести к омертвлению памяти: она «должна обновлять накопленное

знание за счет его живого столкновения с актуальными проблемами современности». Обсуждение, репрезентации воспоминаний с помощью искусства, наполняющие их переживаниями, помогут памяти преодолеть стереотипизацию, а мифологемам – продолжить существование: «все действительно реальное становится схемой, если взято как “вещь в себе”, если не пережито» [Хайдеггер, 2013: 400].

Представляется, что символически опосредованные форматы памяти в равной степени используют потенциал юбилейных и мемориальных изданий. Говоря в целом, временная ось поводов для коммеморации может оборваться на любом этапе, а лицо, организация, событие подвергнуться забвению. По прошествии времени память о них может снова стать актуальной, а ось – восстановиться. В этом случае предпочтение тому или иному виду издания будет обусловлено потребностями «верхов» и «низов», которые вбирает в себя культурная и политическая память, ведь «память обладает живой культурной силой лишь тогда, когда она не декретирована сверху, а располагает нижней поддержкой» [Ассман, 2014: URL: <https://clck.ru/F3Ero>].

Таким образом, анализ справочной и научной литературы, а также обращение к издательской практике позволяет сказать, что мемориальное издание – издание, посвященное памяти лица, события, нацеленное на преодоление тяжелого опыта, связанного с завершением события, в том числе трагическим, и смертью лица.

1.2 Структурно-содержательные особенности мемориального издания

Ряд авторов-составителей справочников и словарей предлагает собственное, отличное от стандарта, определение изданий, публикуемых в честь лиц и событий. Так, у А. Э. Мильчина можно прочитать: «мемориальное издание – издание, выпущенное в память о ком-либо. Это может быть сборник статей, тематически связанных с жизнью и деятельностью человека, памяти

которого посвящено издание, или сборник статей, документов и других материалов о его жизни и деятельности» [Мильчин, 1998: 209].

Это определение – более полное в сравнении с определением ГОСТ: в нем сформулированы содержание и структура издания, в то время как компоненты цели и подачи повторяют стандарт. Но отсутствие указаний на особенности оформления и повода не позволяют до конца обозначить специфику издания.

Кроме того, А. Э. Мильчин не включает возможность посвятить мемориальное издание памяти события, выдвигая на первый план тему ознаменования личности.

Вполне определенно обозначенный состав основного текста мемориального издания – сборник – не подтверждается издательской практикой. Несмотря на то, что в настоящее время широко распространены мемориальные сборники и дайджесты – книги памяти, родословные книги, книги воспоминаний, отказаться от мемориального моноиздания нельзя. Примером могут служить такие издания, как «Ставка – жизнь. Владимир Маяковский и его круг» (М. : КоЛибри, 2009) Б. Янгфельдта, «Злой рок Марины Цветаевой. «Живая душа в мертвой петле...»» (М. : Эксмо, 2013) Л. Поликовской и др. Исследователи также замечают неоспоримый коммеморативный потенциал моноизданий из серии «Жизнь замечательных людей» («ЖЗЛ»), которая «выполняет просветительскую, культуртрегерскую и социально-государственную, в какой-то степени мифотворческую, функции» [Снегирева, 2010: 99]. В то же время «неопределенность формата дает большой простор для творческого и научного экспериментирования» [Там же: 99], поэтому отнести всю серию целиком к мемориальным или юбилейным изданиям определенно нельзя. Для отнесения книг-биографий к одному из видов изданий, выпускаемых в честь событий и лиц, необходимо анализировать коммеморативную цель, функциональное назначение, читательский адрес конкретной книги.

На основе определения А. Э. Мильчина можно выдвигать предположения по поводу вида изданий по целевому назначению. Это может быть сборник научных статей или тезисов докладов научной конференции. Мемориальным изданием может оказаться литературно-художественное издание: альманах, антология, песенник. Мнение ученого также предполагает варианты в вопросе определения знаковой природы издания, например, текстовое издание, нотное, альбом.

Таким образом, определение, данное А. Э. Мильчиным, с одной стороны, открывает новые форматы для издателя, предлагая различные варианты наполнения мемориального издания, а с другой – неоправданно сужает возможности разнообразить состав издания.

Юбилейное издание, согласно «Издательскому словарю-справочнику», трактуется как «издание, приуроченное к юбилею и имеющее юбилейный характер по содержанию и оформлению. Обычно Ю. и. стараются выпустить в улучшенном оформлении, выразив тем самым дань уважения к автору-юбиляру» [Мильчин, 1998: 441].

Здесь А. Э. Мильчин ясно обозначает цель, повод и оформление издания, не оговаривая его структуры. Компоненты содержания и его подачи описаны неясно. Выражение «юбилейный по содержанию» оставляет вопросы. Вероятно, речь идет о праздничной, позитивной подаче материала, что, как уже оговаривалось ранее, не всегда уместно. Содержанием издания по все видимости должны служить произведения самого юбиляра, что нередко находит отражение в издательской практике: например, книга Стоуна Ирвинга «Происхождение», изданная (М. : Политиздат) к 80-летию автора в 1983 г. Несмотря на стандартное оформление (твердый переплет, 130x200 мм), а также тот факт, что само произведение посвящено биографии Чарльза Дарвина, издатель сумел перенести фокус внимания с фигуры натуралиста на фигуру и блистательный талант его биографа. Аннотация и вступительная статья, написанная академи-

ком Б. М. Кедровым, отчетливо передают читателю этот издательский посыл.

Юбилейное издание не всегда включает произведения самого юбиляра: например, сборники материалов конференций, посвященных юбилею ученого. Так, издание «Методология педагогики в контексте современного научного знания» (сборник научных трудов Международной научно-теоретической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения В. В. Краевского, 22 сентября 2016 г., Москва, Институт стратегии развития образования Российской академии образования) включает статьи, анализирующие вклад В. В. Краевского в педагогическую науку, статьи учеников и соратников педагога, развивающих его идеи, и воспоминания о нем. Но не содержит работ самого В. В. Краевского. Кроме того, А. Э. Мильчин сосредотачивает внимание издателя на теме уважения к лицу, неоправданно сужая определение ГОСТ.

Статьи словаря под редакцией Н. М. Сикорского вносят в понимание термина «мемориальное издание» новый смысл. В энциклопедическом словаре «Книговедение» написано: «мемориальное издание (от лат. *memorialis* – памятный) – обычно сборник науч. статей, посвященных памяти выдающегося деятеля науки, культуры и т. д., подготавливаемый чаще всего к годовщине его рождения или смерти. Наряду с воспоминаниями и биографич. сведениями М. и. содержит материалы, характеризующие развитие науч. школы, основоположником к-рой был данный ученый, ее совр. достижения» [Книговедение: энциклопедический словарь, 1982: URL: <https://clck.ru/F3Eu4>].

Словарная статья определенно указывает цель, повод, содержание, подачу и структуру мемориального издания, оставляя без комментариев лишь компонент оформления. Но, с одной стороны, определение Н. М. Сикорского дает возможность выпуска мемориального издания в годовщину рождения или смерти лица, а также снова указывает на со-

став основного текста как сборник различных материалов. С другой, абсолютно неясно, почему мемориальное издание должно быть научным изданием. В этом смысле определение, данное Н. М. Сикорским, обнаруживает сближение мемориального издания с юбилейным научным сборником, определенно представляющим собой частный случай юбилейного издания.

Характеризуя предисловие такого сборника, С. Г. Антонова отмечает, что оно отражает достижения ученого, которому посвящено издание, подводит итог его деятельности. [Антонова и др., 2002: URL: <https://clck.ru/F3EuK>]. Сходство мемориального издания в определении Н. М. Сикорского и юбилейного сборника позволяет отметить и точка зрения, высказанная Е. Ю. Козьминой: «Юбилейные сборники выпускаются в честь известного ученого, прославившегося своими оригинальными исследованиями и фундаментальными трудами» [Козьмина, 2014: 201]. В обоих случаях издание, выпущенное к некоей круглой дате, посвящаются известному в ученых кругах лицу, отличие заключено лишь в том, что юбилейные сборники издаются при жизни ученого, их повод – юбилей ученого, его научной деятельности или выход на пенсию. Очевидно, что такого рода сборник правильнее рассмотреть как частный случай юбилейного, а не мемориального издания. Хотя их сравнительный анализ открывает некоторые интегральные и дифференциальные признаки видов изданий, выпускаемых в честь событий и лиц.

Среди черт юбилейного сборника Е. Ю. Козьмина выделяет наличие в начале или в конце книги портрета юбиляра. В заголовке, как правило, указываются не инициалы и полное имя юбиляра. Однако представляется, что эти элементы оформления присущи не только юбилейным сборникам, но и в целом изданиям, выпускаемым в честь различных событий и лиц, а также многим другим изданиям, объединенных фигурой некоего лица.

Другим обязательным компонентом также является наличие особого рода вступительной статьи, «функционально и стилистически» [Там же: 201] отличные от вступительных текстов «классического» сборника. Помимо стандартной характеристики формирования книги, сведений об авторах, юбилейный сборник обозначает «итог достижений в соответствующей научной области или в разработке проблемы, темы» [Антонова и др., 2002: URL: <https://clck.ru/F3EuK>]. Другая функция вступительного слова – «представление юбиляра в его человеческой, личностной ипостаси, раскрытие основных черт (или черты) его характера» [Козьмина, 2014: 202], а также характеристика особенностей его научной деятельности. Похожую в широком смысле функцию выполняет вступительное слово в обоих видах изданий, выпускаемых в честь событий и лиц.

Дальнейший анализ вступительной статьи юбилейного сборника, приведенный Е. Ю. Козьминой, открывает ощутимую разницу в подаче материала в рамках юбилейного и мемориального издания. Юбилейный сборник может представить вступительные слова в серьезном, деловом, юмористическом или ином тоне, «высвечивая не только научную сторону жизни юбиляра, но и его характер, напоминая о некоторых событиях жизни» [Там же: 202]. В качестве примера исследователь приводит сборник Вернера Лефельтда (Русистика. Славистика. Лингвистика: юбилейный сборник к 60-летию Вернера Лефельтда. Мюнхен : Издательство Отто Загнера, 2003), который представлен на страницах сборника шутливо.

Мемориальные издания в целом демонстрируют большую аккуратность в обращении с вспоминаемым лицом, ведь это лицо умершее. Так, с одной стороны, Уолтер Айзексон, автор посмертной биографии Стива Джобса (М. : Астрель, Corpus, 2011), в предисловии и в самой книге стремится к полноценному описанию личности и жизни изобретателя. В отличие от авторов многих юбилейных изданий, журналист позволяет себе не только осветить передовую, положительную историю С. Джобса, но и пре-

дать огласке неоднозначность его фигуры, написать о его падениях. Но, с другой стороны, подчеркивает, что все положительное и отрицательное в жизни его героя «взаимосвязано, как взаимосвязаны программное обеспечение и комплектующие Apple» [Айзексон, 2011: 7]. И в стремлении поддержать эту идею системной взаимосвязи взлетов и падений обнаруживается особая деликатность подачи как во вступительной статье, так и в собственно книге.

Мемориальные издания, в отличие от юбилейных, выпускаются только после смерти вспоминаемого лица и в значительной степени сосредоточены на проблеме переживания утраты, осмыслении смерти и ее причин, стремлении утвердить вечность жизни, что сближает их функцию с функцией некролога [Коняева, 2017: 451]. В связи с этим представляется, что мемориальные издания, в большей степени, чем юбилейные, анализирующие концепт смерти, ищут «возможность понять жизненную реальность как нечто осмысленное» [Лотман, 1994: 418].

Таким образом, мемориальные и юбилейные издания, посвященные умершему лицу, выстраиваются, наравне с другими медиаторами памяти, становятся своего рода растянутым во времени некрологом, в рамках которого «горечь утраты» сменяется «утверждением вечной жизни» [Коняева, 2017: 447]. Объект коммеморации не умирает окончательно, он возрождается «в своих творениях» [Коняева, 2017: 443]. Такого рода циклическая модель как метод борьбы со смертью восходит к мифологическому сознанию [Лотман, 1994: 419].

Так, книга Ю. Казарина «Поэт Борис Рыжий», вышедшая к 15-летию со дня смерти поэта, обнаруживает «потрясающую <...> деликатность». Боль потери «формирует направленность книги» [Комаров, 2010: URL: <https://clck.ru/F3Eun>], но не влияет на научную глубину исследования Ю. Казарина. Именно ввиду этих особенностей, несмотря на приуроченность книги к круглой дате, ее точно нельзя назвать юбилейной.

Но мемориальные издания не носят исключительно траурный характер, но по содержанию они в большей степени склонны сожалеть об ушедшем прошлом. Так, в сборнике воспоминаний «Комсомол — формат судьбы» (М.: Вече, 2018), выпущенной по случаю столетия организации, главным лейт-мотивом становится именно такого рода сожаление. Настоящее рисуется ущемленным, лишенным важной части, будущее – в случае если потомки не обратятся к достижениям ВЛКСМ, беспросветным и тяжелым.

В юбилейных изданиях факт смерти вспоминаемого лица нередко констатируется без явно сосредоточенности на самом ее факте, в центре оказывается наследие и достижения, пережившие своего творца. Например, так характеризуют содержание изданной книги авторы сборника «Сергей Аполлинариевич Герасимов: художник и педагог. К 110-летию со дня рождения» (М.: ВГИК, 2016): «В юбилейный год 110-летия со дня рождения Сергея Аполлинариевича Герасимова мы с особым трепетом обращаемся к его наследию, его педагогическому опыту» [Сергей Аполлинариевич Герасимов: художник и педагог. К 110-летию со дня рождения, 2016: URL: <https://clck.ru/F3Ev4>]. Факт кончины кинематографиста упоминается в предисловии коротким предложением: «Умер 28 ноября 1985 г.» [Там же: <https://clck.ru/F3Ev4>], вслед за которым авторы сообщают, что вскоре после этого события, в связи с заслугами С. А. Герасимова, ВГИК было присвоено его имя. Таким способом объект коммеморации возрождается в новом состоянии, будущее поколение получает его в новом формате.

Представляется, что, при посвящении юбилейных изданиях умершим, факт их смерти обществом либо уже частично осмыслен и пережит, либо вытеснен как травмирующий или смущающий, с целью «самооправдаться <...>, отвести от себя болезненные <...> воспоминания» [Ассман, 2014: URL: <https://clck.ru/F3Ero>]. В первом случае на книжный рынок поступает взвешенное, достойное, жизнеутверждающее издание, а в другом – одно из тех изданий, что российские и зарубежные исследователи обвиняют

в поверхностности и излишнем юбилейном пафосе, превращая читателя «в объект различных манипуляций» [Чернышева, 2014: URL: <https://clck.ru/F3Evs>].

По всей видимости, такого рода издания формируются «сверху» без учета общественного состояния, отношения людей к событию, личности, и вместо них правильнее было бы выпустить мемориальные издания, сосредоточенные на переосмыслении травмирующего или смущающего опыта.

Мемориальные издания в этом смысле могут стать либо одним из инструментов «общественного и политического контекста», в рамках которого происходит «высвобождение травмы», превращение ее «в часть сознательной идентичности индивидуума» [Ассман, 2014: URL: <https://clck.ru/F3Ero>], либо одним из способов публичной борьбы с замалчиванием вины. Иногда этот контекст формируется вскоре после события, но чаще «подобная публичная мемориальная культура формируется спустя пятнадцать – тридцать лет» [Там же: <https://clck.ru/F3Ero>], реже – позднее.

Анализируя юбилейные сборники, отмечем, что Е. Ю. Козьмина выделяет их особое содержание и структуру. В составе таких сборников наблюдаются «статьи коллег и учеников юбиляра» [Козьмина, 2014: 204]. Содержание делится на части, определенные «направлениями деятельности ученого, которые он разрабатывал и в которых достиг определенных успехов», а не «материалом и научной темой сборника» [Там же: 204]. Нередко в сборники включают хронологическую библиографию юбиляра, которая позволяет ограничить и оценить его вклад в науку, определить его место в ней.

Юбилейный сборник имеет несколько функций. С одной стороны, он является подарком юбиляру и подарком от юбиляра, а с другой, отражает «подспудные процессы, формирующие научную картину мира», а именно – компенсирует «коллективность науки», увеличивает «значимость имен ученых» [Козьмина, 2014: 204–205]. Е. Ю. Козьмина также обращает внимание на то, что связь между именем ученого с его открытием и связь между име-

нем персонажа в мифологическом сюжете и выполняемым им действием очень близки. Связи в мифологическом сюжете поясняет О. М. Фрейденберг: «Значимость, выраженная в имени персонажа, <...> развертывается в действие, составляющее мотив; герой делает только то, что семантически сам означает. <...> Таким образом, в мифологическом сюжете... мотивы не только связаны с персонажем, но являются его действенной формой» [Фрейденберг, 1997: 223–224]. Открытия ученых «в наших представлениях о мировой науке» [Козьмина, 2014: 205], развивает свою мысль Е. Ю. Козьмина, и являются действенными формами. Значит, юбилейное издание, посвященное лицу, живому или умершему, особым образом интерпретирует прошлое, способствуя формированию в сознании читателя мифа о юбиляре. В случае смерти юбиляра уместно заметить, что «миф несет в себе компенсаторные функции». Но психологический комфорт, создаваемый мифом, – это комфорт особого «коллективного» толка [Чернышева, 2014: URL: <https://clck.ru/F3Evs>].

Миф сегодня широко исследован самыми разными учеными: Ф. Ницше, М. Элиаде, А. Ф. Лосев, Е. М. Мелетинский и другие. Немецкий историк Я. Ассман понимал под мифом «историю, которую рассказывают для того, чтобы уразуметь свое место в мире, истину высшего порядка, которая не просто соответствует действительности, но еще и притязает на нормативность и обладает формирующей силой» [Ассман, 2004: 81]. Обращаясь к рассуждениям М. Хайдеггера о становлении «понятого <...> через толкование вынатыным» [Хайдеггер, 2013: 150], А. С. Цыганков приходит к выводу о символизирующей силе мифа. Эта сила заключена в связи мифа с архетипом Рая, «детерминирующего бессознательное стремление общества к достижению «идеального состояния»» [Цыганков, 2014: 21].

Подобное идеализирующее стремление наблюдается и в рамках мемориального издания, но очевидно, что мемориальное и юбилейное издания отличаются друг от друга конечной целью, поводом, отношением к факту

смерти или иному трагическому событию, если таковые имеют место. Таким образом, определение, данное Н. М. Сикорским, неоправданно сближает юбилейный сборник, как частный случай юбилейного издания, и мемориальное издание.

Юбилейное издание у Н. М. Сикорского трактуется так: «Юбилейное издание – издательский термин, означающий произведение печати, приуроченное к юбилею события, орг-ции или лица, что обычно находит отражение в заглавии, надзаголовочных или подзаголовочных данных. Содержание может быть прямо посвящено событию, факту или лицу (напр., статьи, освещающие биографию данного деятеля либо его произведения, ранее не изданные, отобранные ретроспективно). Ю. и. обычно отличается богатым художеств. оформлением; может также включать материалы, посвящаемые памяти юбиляра (памятное издание). Близко этому типу издание, посвященное памяти недавно умершего лица (мемориальное издание)» [Книговедение: энциклопедический словарь, 1982: URL: <https://clck.ru/F3Eu4>].

Издательская практика показывает, что в заголовках юбилейных изданий действительно нередко содержится отсылка к поводу: «100 лучших художественных книг к 100-летию Октябрьской революции» под редакцией Л. Н. Макеева (Мелеуз : Б. и., 2017); «Иван Айвазовский. К 200-летию со дня рождения» под редакцией А. А. Ефимова (М. : Государственная Третьяковская галерея, 2016). Хотя назвать это дифференциальным признаком юбилейного издания нельзя, как уже обговаривалось ранее, годовщины обладают особой способностью пробуждать в обществе желание вспоминать и как следствие закреплять свои воспоминания в рамках как юбилейных, так и мемориальных изданий.

Неоправданным кажется приведенный в качестве примера вариант сборника статей, расположенных ретроспективно (от настоящего к прошлому). Практика показывает предпочтение как в рамках юбилейного, так и в рамках мемориального издания к хронологическому принципу компоновки

материала, который подчиняет себе прочие: тематический, жанровый, проблемный.

Так, книга «Дневники, письма. Воспоминания современников» (М. : Алгоритм, 2008) – мемориальное издание, посвященное писателю В. Чивилихину, поделена на дневник, письма, высказывания, воспоминания современников. Порядок этих крупных частей определен принципом авторства: от дневниковых записей писателя, к его письмам и цитатам и, наконец, к воспоминаниям о В. Чивилихине. Дневники и письма расположены в хронологическом порядке, цитаты – в тематическом, а воспоминания современников – в проблемно-хронологическом. На первом месте в воспоминаниях оказывается личность писателя, те идеи, что были ему важны, поданные через призму сожаления об утрате. Список работ писателя также оформлен в хронологическом порядке.

Схожим образом построено издание «Сергей Аполлинариевич Герасимов: художник и педагог. К 110-летию со дня рождения» (М. : ВГИК, 2016), разделенная на три части: мемуары самого С. А. Герасимова, воспоминания его коллег и учеников. В центре оказывается анализ наследия кинематографиста, его творческого метода.

Исключение однозначно составляют посмертные мемориальные издания, так как ретроспективная подача информации характерна для некрологов, «что позволяет в начале текста подвести итог жизненному пути человека» [Коняева, 2017: 447]. В случае если подобное стремление составляет цель предполагаемого юбилейного издания, то отступление определенное тяготение к ретроспективности возможно, например, как в издании «Sanguis: служба крови Екатеринбурга» (Екатеринбург : Б. и., 2010), посвященное 80-летию службы. В предисловии к книге в общих чертах обозначаются достижения Sanguis на сегодняшний день, но содержание в целом вновь демонстрирует склонность изданий, выпускаемых в честь событий и лиц, к тематико-хронологическому изложению. Первая часть посвящена истории службы,

вторая – подробно рассказывает о тех достижениях, которых добился Sanguis, третья – посвящена донорству и донорам.

Определение Н. М. Сикорского не позволяет однозначно сказать, что он подразумевает под «материалам, посвященными памяти юбиляра» и что за издание он называет памятным. Возможно, речь идет об изданиях, содержащих дальнейшую проработку проблем, интересовавших юбиляра, но однозначного ответа словарь исследователя не дает. Последнее предложение определения юбилейного издания привносит дополнительный смысл в понятие мемориального издания, оно сближается еще и с посмертным, определение которому изданий не дает.

Таким образом, можно делать следующий вывод о понятии и структурно-содержательных особенностях мемориального издания.

Во-первых, этот вид изданий содержит символически опосредованные воспоминания, сохраняющие субъективный опыт и переживания лица или группы лиц. Это значит, что издания могут быть различными по составу основного текста и по знаковой природе информации. Обязательна для них ориентация на эмоциональную подачу, которая может выражаться в подборе произведения, элементов аппарата издания, их структурно-композиционных, содержательных, жанрово-стилевых и языковых особенностях, наконец, в выборе элементов оформления.

Во-вторых, эти издания целенаправленно транслируют воспоминания о чем-либо другой определенной группе. Подобная характеристика не накладывает ограничений на выбор вида издания по читательскому адресу, она лишь подчеркивает необходимость сформировать представление о читательской «мы-группе» [Ассман, 2014: URL: <https://clck.ru/F3Ero>], которой будет транслироваться память и чья идентичность посредством воспоминаний будет подкрепляться, и опираться на это представление при подготовке издания.

В-третьих, издания служат одновременно опорой и носителем воспоминаний, что позволяет им выполнять две функции. С одной стороны, они поддерживают коммуникацию между носителями воспоминаний, при которой осуществляется переход воспоминаний, опыта в рамках биологически опосредованных форматов памяти, то есть из индивидуальной памяти в социальную. А с другой стороны, становясь медиаторами, носителями, они обеспечивают долгосрочность, устойчивость памяти при ее переходе уже в рамках символически опосредованных форматов. При таком переходе памяти новое лицо получает в распоряжение «развоплощенные», отделенные от первоначального носителя, опыт и воспоминания, которые оно не пережило лично, но которые оно усваивает, совмещая со своей биологической памятью [Там же: <https://clck.ru/F3Ego>]. Потенциальный читатель должен будет периодически возвращаться к такого рода изданию, прошлое, заключенное в произведении, станет объектом «интерпретаций, наделяющих его смыслами» [Вельцер, 2005: 41]. Это налагает на издателя обязательство сделать книгу удобной для таких периодических возвращений, сделать ее структуру интуитивно понятной и логичной, а также оснастить издание содержанием, при необходимости компонентами аппарата ориентировки: указателями, условными обозначениями, системой рубрикации и шрифтовыми выделениями и прочими. Наиболее распространенными компонентами, как показывает практика, для изданий, выпускаемых в честь событий и лиц, являются предисловие или вступительная статья, а также заключение и приложения. Полнота аппарата определяется видом издания по целевому назначению.

Мемориальное издание в большей степени связано с темой смерти. Поэтому цель такого издания – не просто почтить память усопшего или ознаменовать событие, но и примириться с негативным опытом, сохранив для потомков, создав таким образом основу для мифологизации. В западной мемориальной культуре примирение с травмой, «путем по-

иска адекватных форм увековечения событий, вызвавших серьезное социальное потрясение масс», [Святославский, 2011: 52] входит в число ведущих направлений развития. В рамках юбилейного издания также дит торжественное, жизнеутверждающее подведение итогов, осмысление наследия, приуроченное к годовщине. Представляется, что два этих процесса едва ли можно совместить в рамках одного издания. В то же время издательская практика нередко обнаруживает некоторую сжатость временной оси поводов: наследие может осмысляться в рамках мемориального издания, которое можно идентифицировать по особой подаче материала, которая подчиняет себе структурно-композиционные, жанрово-стилевые, языковые и внешние особенности издания.

Поводом для выпуска мемориального издания становится годовщина негативного опыта или некий другой посыл, актуализирующий память о прошлом: «возвращение воспоминаний, особенно болезненных, смущающих, постыдных, подчиняется иным ритмам, нежели обычный календарь» [Ассман, 2014: URL: <https://clck.ru/F3Ego>]. Юбилейное издание выпускается к годовщине или некой завершающей дате (выход юбиляра на пенсию, например).

Читательский адрес мемориального издания однозначно зависит от степени временной близости к событию. Если речь идет о посмертном издании, то оно адресуется, в первую очередь, тем, кто знал усопшего, интересовался его достижениями и сферой его деятельности. В случае изданий о событиях и адресатами становятся непосредственные участники и свидетели. По мере временного отдаления читательский адрес расширяется. В него могут попасть не только потомки прежних адресатов, но и представители других, более широких «мы-групп», в которые входил усопший или участники организации или события. Юбилейное издание, выпущенное при жизни юбиляра, адресовано ему и представителям ближайших «мы-групп», в которые он входит: его семья, коллеги, ученики. А так-

же поклонники его таланта и интересующиеся сферой, в которой он знаменит. В этом плане оно близко посмертному мемориальному изданию. После смены поколений, через пятнадцать – тридцать лет, когда обществом осмыслено трагическое событие, читательский адрес юбилейного издания расширяется колоссально. Теперь оно издается в первую очередь для всех интересующихся сферой или даже для широких масс.

Для изданий, выпускаемых в честь событий и лиц, можно говорить об эмоциональной подаче. Но в случае мемориального издания это настроение скорби, горечи утраты, печали, чувства вины, светлой грусти. Юбилейное издание – это праздничная, жизнеутверждающая подача, в отдельных случаях, когда речь идет о трагическом событии, которое затронуло широкий круг людей, осмысление его наследия подается как «радость со слезами на глазах», с облегчением. подача полностью зависит от целей издания и настроя читателя и обуславливает внешнее оформление: простое или роскошное, праздничное или сдержанное, красочное или строгое.

От этих же факторов зависит содержание и структура. В содержании мемориального издания, как правило, оказываются материалы, посвященные личности, жизни и смерти лица или значению организации в судьбах людей, истории ее существовании и тем событиям, что привели к ее закрытию. Мемориальное издание о событии содержит аналогичные сведения об его участниках (например, книги памяти). Нередко издания в качестве дани памяти дополняются впервые издаваемыми трудами покойного, какими-то вновь обнаруженными свидетельствами, архивными сведениями об участниках организации или события.

Между тем, юбилейные издания сосредотачиваются в большей степени на наследии лица, организации, события. В том случае если издания посвящены умершим, закрывшимся организациям, событию, в содержании оказываются материалы, посвященные их влиянию на настоящую дей-

ствительность, например, труды, на темы близкие юбиляру, но написанные его последователями. Нередко юбилейные издания показывают опыт, который может быть использован или уже используется в настоящее время.

ГЛАВА 2. РЕДАКТОРСКАЯ ПОДГОТОВКА МЕМОРИАЛЬНОГО ИЗДАНИЯ «АЗБУКА ИМЕНИ: РОМАН ТЯГУНОВ В ВОСПОМИНАНИЯХ, МНЕНИЯХ, ИНТЕРВЬЮ, КРИТИКЕ»

2.1. Концепция мемориального издания о Романе Тягунове

Роман Тягунов (1962–2000) – «один из самых талантливых (многосторонне ярких) и заметных поэтов своего поколения» [Казарин, 2011: 47]. Писать стихи он начал в двадцатилетнем возрасте, «практически сразу обретя свою зрелую поэтику» [Курицын, 2013: 399]. Первое признание получил после написания текстов, позднее объединенных в поэму «Письмо генсеку». В дальнейшем, как отмечает Ю. Казарин, Р. Тягунов обретает всеобъемлющую известность в Свердловске/Екатеринбурге [Казарин, 2011: 47]. В целом его творчество высоко оценивается критиками и литературоведами в контексте развития поэзии 1980–1990-х гг.: «многие из стихов <...> без преувеличения заслуживают звание шедевров философской лирики» [Курицын, 2013: 399].

Для поэтики Р. Тягунова характерны эксперименты со словом, его написанием, аллитерация и фонетическая игра:

Перевожу себя на русский

С другого берега реки [Тягунов, 2011: 19].

Или:

Имя – часть одежды,

Внутренний карман.

У меня – Надежда.

У тебя – Роман.

Наденька, надень-ка

Тонкое белье... [Тягунов, 2011: 157]

В его стихах довольно часто встречаются афоризмы и палиндромы:

Лишь в русской книге все язычники едины.

НАМ БОГ ОБМАН – читай наоборот.

Пути господни неисповедимы [Тягунов, 2011: 95].

Ирония и самоирония, пародирование идиом и игра с ними – важные приемы, которые Р. Тягунов использует в своем творчестве:

Подожди – придут вожди, подтолкнут.

Пряник будет впереди, сзади – кнут [Тягунов, 2011: 16].

Другое направление творчества Р. Тягунова создание слоганов, рекламы: «Тойота – ощущение полета», «Ниссан – поднимаешься к небесам» [Вспоминая Романа Тягунова, 2012: URL: <https://clck.ru/F3EyC>].

Но при жизни Роман Тягунов не выпустил ни одного поэтического сборника (выходили только самиздатовские), несмотря на его известность и любовь к нему читателей: «его стихотворение “В библиотеке имени меня...”, наверное, в Екатеринбурге знал каждый» [Казарин, 2016: 132]. До выхода сборника «Стихи» (издательство Уральского университета, 2001), в подготовке которого поэт участвовал, он не дожил, погибнув при невыясненных обстоятельствах в ночь с 30 на 31 декабря 2000 г. Друг поэта Е. Касимов признался, что «книга пришла из типографии на сороковой день после его смерти...» [Вспоминая Романа Тягунова, 2012: URL: <https://clck.ru/F3EyC>].

Сформировать однозначное представление о личности поэта по прошедшим лет затруднительно. Очевидно, что Роман Тягунов еще при жизни не был лишен таинственности, а после смерти его образ предстает еще более противоречивым. В. Курицын рассказывает, как поэт выпустил стихи в печать, приписав авторство «людям, покончившим с собой». Другая мистификация связана с подругой Тягунова Н. Ашатоян, которая одержала победу на городском поэтическом конкурсе, прочитав стихи, написанные Тягуновым от ее имени [Курицын, 2013: 398]. В архиве Р. Тягунова в ОМПУ хранятся стихи Сергея Алексеева, Виктории Сочиловой – автором этих сочинений также может быть Р. Тягунов. Наконец, обстоятельства смерти поэта по-прежнему

остаются загадкой. Например, адрес дома, из окна которого выпал Роман Тягунов – знакомые поэта называют адреса по улицам Ленина, Шейнкмана, Челюскинцев.

Даже столь беглый взгляд на жизненный и творческий путь Р. Тягунова позволяет представить его как незаурядную личность, не лишенную загадочности, поэта-новатора, трагически ушедшего из жизни. Эти знаковые черты определяют концепцию издания, посвященного его памяти.

Как было рассмотрено в первой главе, в ядре читательской аудитории мемориального издания всегда располагаются люди, каким-либо образом связанные с тем, кого вспоминают. Характер этой связи определяется временем и степенью сформированности публичной мемориальной культуры, связанной с умершим. В случае Р. Тягунова такая культура, основанная до последнего времени практически лишь на издательских коммеморативных практиках, довольно слаба.

В 2001 году в № 3 журнала «Урал» вышла подборка стихов поэта, сопровождаемая небольшим предисловием-некрологом, автором которого стал Д. Рябоконь. В 2003 году в журнале «Уральская новь» № 16 была также опубликована подборка стихов Р. Тягунова. Новые попытки сохранения памяти о поэте были предприняты в 2008 г., когда писатель Е. Касимов подготовил небольшую подборку стихов Р. Тягунова и сопроводил ее вступительной статьей с говорящим названием «Лестница в небеса, построенная немного в стороне (О поэте Романа Тягунове)» (журнал «Дети Ра», № 12 (50)). В 2011 г. Е. Касимов выступил уже в роли составителя второго сборника стихов Р. Тягунова. Книга получила название по одному из самых известных стихов поэта – «Библиотека имени меня» (издательский дом «Автограф», Екатеринбург). В том же году вышла научно-популярная книга Ю. Казарина «Поэты Урала», где Р. Тягунову посвящена отдельная небольшая глава. В 8-м номере журнала «Урал» за 2012 г. были опубликованы две статьи о судьбе и творчестве поэта. Первая статья «Вспоминая Романа Тягунова» бы-

ла подготовлена М. Коноваловой. Этот материал состоял из воспоминаний друзей поэта и подборки его стихов из календаря на 2001 г. – совместный проект с художником Е. Охотниковым. Примечательно, что тема календаря – время – выбрана в связи с началом миллениума и тесно сплелась с судьбой самого поэта, ведь он умер, так и не вступив в новое тысячелетие. Другая статья, опубликованная в «Урале», называлась «Обращение назад: пограничная ситуация Р. Тягунова». В ней критик Г. Цеплаков анализирует творчество поэта в контексте его личной судьбы, времени и пространства, в котором он жил. Так, им отмечена особая чувствительность Р. Тягунова к возникшей в 1980–1990-е гг. шаткости «иерархии и ценности очерченного (и в этом смысле ограниченного, определенного, цельного) советского человека» [Цеплаков, 2012: URL: <https://clck.ru/F3Eyc>]. Кроме того, в статье обращено внимание на связь творчества Р. Тягунова с творчеством других поэтов 1980–1990-х гг.: И. Иртеньева, Б. Рыжего. Поэма «Письмо генсеку» характеризуется «переключением пафосного и игрового, стратегического и сиюминутного регистров, реальной тревогой гражданского поэта» в совокупности «с иронией над системой и действиями власти, соединением несоединимого» [Там же]. Именно эти качества делают поэму заметной и сближают ее, по замечанию Г. Цеплакова, с ранним творчеством И. Иртеньева. Важное место в статье занимает сравнение идей Р. Тягунова и идей В. Пелевина, вложенных в уста персонажа романа «Generation П» Вавилена Татарского. Однако Г. Цеплаков подчеркивает принципиальное различие между ними: «Роман <...> не разменивал осознанно вечное творческое богатство на сиюминутную мелочь земных благ» [Там же: URL: <https://clck.ru/F3Eyc>]. Выход статей был сопровожден выпуском диска «Трибьют Тягунову», на который вошли аудиозаписи чтения стихов поэта его близкими и им самим. Небольшой материал о поэте есть в издании В. Кальпиди «Энциклопедия. Уральская поэтическая школа» (2013). Кроме того, можно найти упоминания о Р. Тягунове в вышедшей недавно книге «Поэт Борис Рыжий» Ю. Казарина (2016).

Мемориальная культура, связанная с фигурой поэта, сформирована слабо, такой вывод можно сделать в результате ее сравнения коммеморативных практик, применяемых к Р. Тягунову и Б. Рыжему (1974–2001), известному свердловскому поэту, ушедшему из жизни в более раннем возрасте. Их судьбы и творчество часто сравнивают между собой. Поэты дружили и погибли практически один за другим. Борис Рыжий после смерти стал фигурой культовой, хотя изданий с его стихами не так уж и много: небольшое количество поэтических книг, в том числе на голландском языке. Его творчеству посвящено несколько научных изданий и фильмов, а его личность и судьба неоднократно становилась объектом работы публицистов и литературоведов. В честь поэта проводится международный фестиваль «Дни Бориса Рыжего», в память о нем организуются поэтические вечера, открывают музейные экспозиции.

Подобных разнообразных по форме и глубине коммеморативных практик по отношению к Роману Тягунову пока не применяли. Тем не менее в рамках существующей мемориальной культуры, связанной с именем поэта, выражены два направления. С одной стороны – прослеживается стремление к осмыслению его жизненного пути и трагической смерти. С другой – постепенно намечается активизация желания исследовать творчество Романа Тягунова. Именно эти потребности общества обуславливают необходимость выпуска полноценного мемориального издания о поэте, которое компилировало бы оба направления и знакомило широкий круг читателей с жизнью и творчеством Р. Тягунова.

Таким образом, планируемое издание должно было обладать особым коммеморативным потенциалом. Выпущенное к 55-летию поэта, оно стало, прежде всего, итоговой, совместной для его близких коммеморацией. В случае успешного сопровождения выхода книги другими публичными практиками издание поддерживало бы тенденцию ослабления траура, скорбного переживания гибели поэта, что в будущем усилило бы академический интерес к

фигуре Р. Тягунова, а также продолжило формирование мифа о поэте уже в рамках юбилейных изданий. Популяризация образа поэта позволит в будущем, например, собрать материалы для нового, полного издания стихов Р. Тягунова, научного исследования его творчества.

В связи с подобным потенциалом книги, текущим развитием мемориальной культуры в ядре читательской аудитории издания оказываются близкие покойного поэта, принявшие или не принявшие участие в создании книги, люди, знавшие Романа Тягунова. На ближней периферии – те, кто не знал поэта лично, но слышал о нем и имеет представление о его творчестве. По всей видимости, в числе таких людей окажутся, в первую очередь, представители творческой интеллигенции Урала. Дальняя периферия – более широкая аудитория читателей, интересующихся уральской культурой, уральской поэзией.

В то же время необходимо понимать, что мемориальная культура, связанная с фигурой поэта, нуждается в обновлении коммеморативных практик. Для расширения аудитории выпуск книги необходимо сопроводить общественным мероприятием, подготавливающим потенциального читателя к ее восприятию. В данном случае в преддверии выхода издания к 55-летию поэта была организована выставка с неизменным, органичным названием – «Библиотека имени меня» в музее «Литературная жизнь Урала XX века». На этой первой посвященной жизни и творчеству Р. Тягунова выставке можно было увидеть его личные вещи, его рабочие тетради, рукописи, машинописные сборники с автографами, а также календарь «Апострофы», созданный поэтом совместно со своим другом художником Е. Охотниковым. Не менее важно для формирования мемориальной культуры то, что экспонаты выставки – это лишь часть, созданного Объединенным музеем писателей Урала (Екатеринбург) в 2017 г. архива Р. Тягунова. Как отметила в опубликованной журналом «Вещь» статье «Сон категории В» А. Комадей [Комадей, 2017: URL: <https://clck.ru/F3vbW>], «материалы выставки осветили как личность самого

Тягунова, так и многочисленные культурные связи Свердловска-Екатеринбурга 80-х, 90-х годов». Указанная статья, вышедшая вслед за «Азбукой имени...», содержит обновленную творческую биографию поэта, анализирует «работу по собиранию и сохранению, изданию и интерпретации его наследия» [Там же: URL: <https://clck.ru/F3vbW>]. Наконец, А. Комадей сосредоточивает внимание на впервые опубликованном в «Азбуке имени» меморандуме большого жюри некоммерческой премии «Мрамор» и выделяет ее основные тезисы: « «полуторастичность» мира, невыразимость истины в общеупотребительных терминах, фундаментальность случайности, недоказуемость поэзии».

Инициатором проекта мемориального издания о Р. Тягунове выступил Ф. Еремеев, глава издательства «Кабинетный ученый», принимавший непосредственное участие в выпуске первого поэтического сборника Р. Тягунова. Редактором и составителем издания стала сотрудник журнала «Урал» Н. Колтышева.

Содержание книги определяется двоякостью общественного запроса: общество стремится осмыслить жизненный путь и трагическую смерть Р. Тягунова и приступить к изучению его творчества.

В мемориальных изданиях элемент, в совокупности с аннотацией, транслирует коммерциальную цель книги, а также восприятие обществом, создателями книги факта смерти лица. Так, в аннотации «Азбуки имени» смерть Р. Тягунова названа словом «гибель», то есть она воспринимается как трагическое событие. И в аннотации, и в редактора Н. Колтышевой предисловии, прописаны содержание и структура книги, которые демонстрируют желание создателей издания рассказать о поэте, а также почтить его память публикацией неизвестных произведений.

В первую часть книги вошли воспоминания близких Романа Тягунова, написанные непосредственно для включения в «Азбуку имени...». Важно, что при подготовке книги воспоминаний сложно определить, кто был близок

поэту, ведь круг его общения был довольно велик. Так, Ю. Казарин также отмечает, что Р. Тягунов «часто бывал в домах друзей, в университете, где окончил матмех, в Союзе писателей, на выставках, в офисах, <...> в помещениях, где живет власть и т. п.» [Казарин, 2011: 47]. По этой причине в число вспоминающих на первом этапе подготовки книги вошли К. Патрушев, Д. Рябоконь, Е. Ройзман, Е. Касимов, Ю. Казарин, А. Козлов, Н. Герасимова, О. Дозморов, прежде рассказывавшие о Р. Тягунове на страницах журнала «Урал» в 2012 г. Также в первоначальный список была включена мама поэта А. А. Тягунова, а также часто упоминаемые в воспоминаниях друзья поэта: Д. Кунилов, Е. Охотников, М. Гордиенко. В дальнейшем поиск и отбор вспоминающих велся на основе рекомендаций указанных выше людей.

Помимо этого, сложной оказалась и подготовка к беседам. Составление вопросов, которые помогли бы близким Р. Тягунова вспомнить о нем, напрямую связаны со знаниями о поэте интервьюера, предварительно получить которые невозможно. Например, список вопросов, обращенных к В. Харитонову, преподавателю Тягунова на матмехе УрГУ, были ошибочно ограничены студенческим периодом жизни поэта. Но в процессе беседы выяснилось, что их общение продлилось вплоть до лета–осени 2000 г. Р. Тягунов нередко навещал своего преподавателя, брал у него книги, разговаривал об искусстве, литературе, делился планами, например, о создании премии «Мрамор».

В итоге в число вспоминающих вошли: вдова поэта Н. Герасимова, его друзья Е. Охотников, В. Харитонов, Д. Кунилов, В. Емелев, П. Наумкин и др. Основной текст составят критические материалы о Р. Тягунове, в том числе статья А. Козлова о поэтическом сборнике «Библиотека имени меня», философская статья самого Романа Тягунова, статья Г. Цеплакова, ранее опубликованная в «Урале», а также его статья, посвященная анализу вновь обнаруженной записной книжки поэта. Разнообразие материала позволило читателю сформировать наиболее полное, а главное не ограниченное одной узкой точ-

кой зрения представление о личности Р. Тягунова, его характере, мотивах поступков, трагической смерти.

Принцип компоновки очерков о Романае Тягунове и его творчестве в алфавитном порядке, на первый взгляд, для подобных изданий необычен. Однако этот принцип соответствует творчеству и личности самого поэта, его любви к игре со словом и числом, экспериментов с комбинаторикой [Курицын, 2013: 39]. Наконец, принцип вновь отсылает к «визитной карточке» поэта – стихотворению «В библиотеке имени меня». Книга «Азбука имени...» в этом смысле становится алфавитным каталогом этой самой библиотеки. Подзаголовок «Роман Тягунов в воспоминаниях, интервью, мнениях и критике...» отсылает уже не к творческой индивидуальности поэта, а к самой его личности, что является традиционным для изданий, выпускаемых в честь лиц. Аналогичной издательской традицией, принятой в концепцию, является размещение на обложке портрета вспоминаемого лица. На фото из архива М. Гордиенко запечатлен 20-летний Р. Тягунов, начинающий восхождение на гору. В воспоминаниях женщины снимок обретает печальное символическое значение готовности молодого поэта «покорить ему одному видимую вершину» [Азбука имени, 2017, 33], что соответствует характеру эмоциональной подачи мемориальных изданий.

Вторая часть книги – неизвестные и неопубликованные тексты поэта, размещенные в жанрово-тематическом порядке. В издание были включены фотографии Тягунова и изображения его рекламных и агитпроектов, листовок, сканированные страницы его записной книжки. Иллюстрации играют познавательную, дополняющую, разъясняющую и другие роли.

Объединение такого количества разножанровых материалов позволило дать наиболее полный и разносторонний взгляд на поэта, его жизнь и творчество, удовлетворить потребность общества, с одной стороны, осмыслить судьбу поэта, а с другой – положить начало анализу его творчества. Так, образ Р. Тягунова, создаваемый в воспоминаниях, мнениях, интервью, будет

субъективным, не исследовательским, в то же время число рассказчиков и разница в подходе каждого к анализу личности, судьбы и творчества позволят избежать навязывания какой-либо одной канонической точки зрения. Статьи аналитического, критического характера продемонстрируют другой, профессиональный взгляд на автора и его творчество. Подобное разнообразие позволит потенциальному читателю составить наиболее полное и разностороннее представление о личности поэта, его судьбе и творчестве.

Оценка развития мемориальной культуры, связанной с фигурой Р. Тягунова, разработка содержательных особенностей и читательского адреса книги позволяют сформировать представление о других характеристиках издания.

Определить вид издания по целевому назначению проблематично, ведь книга включает в себя сведения различного характера, произведения разных жанров и стилей [ГОСТ 7.60-2003. СИБИД. Издания. Основные виды. Термины и определения, Москва, 2004: URL: <https://clck.ru/F3Es3>]. В издание вошли художественные тексты Романа Тягунова, критические статьи А. Козлова и Г. Цеплакова, научные материалы о календаре за 2001 г. и о записных книжках поэта. Наконец, основную часть книги заняли воспоминания современников, близкие к жанру очерка. В то же время, если оттолкнуться от того факта, что доминирующим жанром издания является очерк, а произведения других жанров расположились в приложении и носят вспомогательный характер, то наиболее подходящим вариантом вида издания по целевому назначению стоит признать литературно-художественное издание. По характеру информации мемориальное издание о Р. Тягунове тяготеет к документально-художественному, ведь его основой служит «деятельность исторического лица» [Там же: URL: <https://clck.ru/F3Es3>].

Документально-художественное издание может предполагать как сплошное, так и выборочное чтение. Этот факт предполагает подробное содержание, вынесенное в начало издания, переменные колонтитулы, содер-

жащие имя автора и название конкретной статьи книги. Широкая читательская аудитория обусловила наличие переводного титульного листа, содержащего название, фамилию редактора-составителя, сведения об издательстве, городе, годе выпуска книги. Обратная сторона титульного листа содержала классификационные индексы и авторский знак, макет аннотированной каталожной карточки, международный стандартный номер издания (ISBN); знак охраны авторского права.

Особенности содержания и читательский адрес издания, а также объем произведения предполагает выбор распространенного и удобного для чтения среднего формата книги – 60x90/16. Читательский адрес также позволяет выбрать средний кегль шрифта для основного текста.

Выбор в пользу мягкой обложки сделан с целью удешевления, обеспечения доступности книги для широкого читателя, обозначенного в читательском адресе издания. Кроме того, в отличие от книги с твердым переплетом, такое издание, в силу своего объема, будет более легким по весу. Наконец, этот вид переплета, как и избранное цветовое решение обложки, отвечает дизайнерским особенностям мемориального издания, которое, в сравнении с юбилейным, часто отличается более сдержанным полиграфическим исполнением.

Мемориальное издание о лице, как и любое другое издание, – это сложная знаковая система, но в которой системообразующим фактором является фигура самого вспоминаемого. Именно его образ определяет читательский адрес, назначение, характер информации, технические характеристики издания. Особенности оформления, структуры, содержания находятся под неоспоримым влиянием того, как общество восприняты личностные качества, заслуги вспоминаемого, отдельные события, связанные с ним, и в особенности обстоятельства его смерти. Таким образом, в случае составления концепции мемориального издания о поэте Романе Тягунове тре-

буется обозначить основные представления о его личности, творчестве, жизненном пути.

2.2 Специфика редактирования рукописи мемориального издания о Романе Тягунове

Вопросы отбора авторов и произведений (в нашем случае вспоминающих и воспоминаний), с которых начинается работа редактора над литературно-художественными изданиями [Антонова, 2002: URL: <https://clck.ru/F3EuK>], к которым относится «Азбука имени...», и определение видо-типологических характеристик, структуры издания, особенностей иллюстрирования, были обозначены в предыдущем параграфе.

Переходя непосредственно к специфике редакторской работы с рукописью, нужно отметить, то в ее основе группа расшифрованных текстов-интервью – воспоминаний о Р. Тягунове, нуждающихся в существенной литературной обработке. Редактирование начинается с композиции. Традиционно она строится из трех компонентов (вводная, основная, заключительная части) и зависит от «подходов к подаче материала» [Голуб, 2010: 25]. В случае с «Азбукой имени...» как мемориальным изданиям, предпочтение отдается так называемому образному подходу, в определенной степени свободному от композиционной строгости. Аналогичную свободу дает воспоминаниям их устная природа. Воспоминание, по мнению Т. В. Самойленко и Н. В. Лагута, относится к «монологическому жанру нарративного типа и представляет собой повествование о событиях человеческой жизни». Этот жанр имеет составную природу, включая в себя более простые жанры (рассказ о событии, рассказ о человеке, рассказ-объяснение, пересказ) [Самойленко, 2011: 127]. Монологическая природа воспоминания также позволяет экспериментировать с композицией и в то же время вносит определенные ограничения. Очевидно, что диалогическая композиция интервью не подходит для письменного воплощения воспоминаний. Вопросы звучат

лишь с целью уточнения информации, реже – направления беседы, что превращает интервьюера из полноценного участника разговора в слушателя.

Тексты воспоминаний о Р. Тягунове строятся из близких микротем-эпизодов: знакомство с поэтом, первое впечатление о нем, развитие отношений, поэт и поэзия, Р. Тягунов и другие люди, встречи рассказчика с Р. Тягуновым, слухи и мистификации, последние месяцы и дни поэта, размышления вспоминающего о причинах и обстоятельствах смерти Р. Тягунова. Порядок, глубина проработки того или иного эпизода и даже итоговая композиция текста подчинены стилю изложения автора воспоминаний. Так, Е. Охотников начал разговор с объяснения своего понимания времени: «я живу вне дат» [Азбука имени, 2017: 95]. Это особое понимание обусловило тот порядок, в котором он рассказывал о Р. Тягунове: начал с описания череды встреч в 2000 г., во время которых они вместе готовили календарь «Апострофы»; затем рассказал о придуманном Р. Тягуновым псевдониме Максим Меньшиков, под которым в «Апострофах» выступает Е. Охотников; в опоре на необычное видение мира Р. Тягуновым, которое ярко проявилось в процессе придумывания псевдонима, Е. Охотников перешел к описанию их более ранних встреч, а затем коротко – к знакомству, обстоятельства которых художник не помнит. После этого эпизода Е. Охотников продолжил беседу в опоре на хронологию событий.

В целом воспоминания близких поэта были изложены в хронологическом порядке. Начиная с эпизода знакомства и далее по порядку ведут рассказ Н. Герасимова, О. Дозморов, А. Застырец, Ю. Казарин, А. Кулик, Д. Кунилов и др. Незначительные нарушения хронологичности обусловлены ситуациями припоминания, когда рассказчик неожиданно переходил к описанию более раннего эпизода, о котором не вспомнил сразу. Так, Д. Кунилов перескочил с воспоминаний 1995 г. к событию 1991 или 1992 г., когда он застал Р. Тягунова с ружьем на ул. Волгоградской.

Некоторые воспоминания открывались микротемой некоего связанного с Р. Тягуновым эпизода, который коррелировал бы со сложившейся коммуникативной ситуацией – воспоминание. Так, В. Харитонов начал рассказ, оттолкнувшись от описания интерьера собственной квартиры, где происходила беседа-воспоминание и где часто бывал Р. Тягунов: «Рома сидел здесь же, за этим самым столом, который не менялся в течение сорока лет» [Азбука имени, 2017: 125].

Сначала рассказчики следовали логике интервьюера и завершали воспоминания размышлениями о причинах и обстоятельствах кончины поэта. Но первые же встречи показали нецелесообразность завершения беседы и текста таким образом. Буквально, на пороге, уже попрощавшись, интервьюируемые вспоминали какой-то необычный эпизод, о котором не рассказали в рамках основной беседы. Как правило, им оказывалось столкновение с неким «следом» Р. Тягунова, которое произошло уже после смерти поэта. Кто-то увидел его во сне, другой – нашел в неожиданном месте личную вещь Р. Тягунова, третий – спустя годы прочел его стихи, будто бы написанные на злобу дня. Таким образом, воспоминания устремляли образ поэта в вечность в соответствии с требованиями такого жанра, как некролог.

Некролог, по мнению Тертычного, является информационным жанром [Тертычный, 2000: URL: <https://clck.ru/F3EzN>]. Однако исследования последних лет, проведенные Ю. М. Коняевой, показывают его эмотивную, образную составляющую, сближая некролог с эпитафией и портретным очерком [Коняева, 2017: 443–451]. Как замечает Н. В. Картаусова, в центре некролога-портрета оказывается личность умершего, эпоха, в которой он жил, отношение рассказчика к происходившим событиям, его чувства [Картаусова, 2010: 97-98]. От портретного очерка жанр также вбирает стремление «показать, каким ценностям служит <...> герой, в чем видит смысл своего существования», показанный через «нетривиальные ситуации» [Тертычный, 2000: URL: <https://clck.ru/F3EzN>]. От некролога жанр вбирает, прежде всего, интерес к

причинам и обстоятельствам смерти героя, повествование тяготеет к хронологичности, обращенности в прошлое, документальности [Коняева, 2017: 445–451]. Наконец, включает особую форму заключительной части композиции. Очевидно, что такой составной жанр наиболее полно отвечает требованиям мемориального издания. Таким образом, завершающая часть большинства воспоминаний содержит микротему «вечной жизни поэта».

В большинстве случаев расшифрованные интервью предполагали правку-переделку, включающую существенную перестановку фрагментов микротем, их исключение и обработку. Следует рассмотреть отдельные тексты воспоминаний в аспекте исправления композиционных недочетов.

Отход от темы – самая частая композиционная, точнее говоря, логико-композиционная ошибка текстов воспоминаний. Рассмотрим фрагмент микротемы «развитие отношений» из расшифрованного интервью с фотографом Д. Куниловым до редактирования: «Я просто снимал квартиру на Ленина, получилось прямо за площадью 1905 года, такая большая трехкомнатная квартира. Автоматически вся тусовка происходила дома. Не то, что я один жил, там постоянно что-то было. Эти три комнаты, как-то мне так удачно повезло. Год это было. Редакция была на площади 1905 года в ВЛКСМ, через дорогу был дом. И все это как-то крутилось. В 1990–1991 год мы как-то вот в этом процессе были.

Потом 1992 году я уехал из Екатеринбурга в Челябинск. Вообще, я из Снежинска, поэтому у меня все вокруг Снежинска крутилось. На этом близость тех времен с Ромой пропала. И я до 1995 года в Снежинске жил, там сын рождался, семья».

Очевидно, что многие пояснения вводятся Д. Куниловым из-за его внутренней ориентации на интервьюера: слушатель мало знает о рассказчике, мотивах его поступков, и тот стремится внести ясность в разговор. Эти пояснения полезны и показательны для понимания стиля рассказчика, его стремлению объяснить, расширить кругозор слушателя, а в дальнейшем –

читателя, но не имеют отношения к предмету текста – Р. Тягунову. Поэтому в окончательном варианте утонения о судьбе Д. Кунилова в 1992–1995 гг. опущены.

Показательно, что беззаботное время 1990–1991 гг. снова возникает в памяти фотографа, в рамках микротемы «размышления вспоминающего о причинах и обстоятельствах смерти Р. Тягунова»: «Я абсолютно исключаю самоубийство. Наша дружба с ним в 90-м, 91-м, мы как подростки все были тогда. Нам хоть и было по 30, но такое время было, оттепель не назовешь, но мы все себя чувствовали, как... мы не знали, что завтра будет. Мы жили просто, без всего. Не было никакой ни ответственности, ничего».

Но воспоминание приводится на этот раз в контрасте с концом 1990-х гг., когда у обоих друзей появились семьи, когда жизнь стала налаживаться. Этот контраст был довольно показательным, но делал объясняющую конструкцию тяжелой для понимания. Решение соединить фрагменты о 1990–1991 гг., конечно, помимо непрочности связей между частями, обусловлен еще и особенностями объяснения как типа речи.

В итоге фрагменты микротемы «развитие отношений» приобретает полноценный вид: «Я снимал квартиру на Ленина, прямо за площадью 1905 года, такая была большая трехкомнатная квартира. Автоматически вся тусовка с 1990-го по 1992-й год происходила дома. Редакция была на площади 1905 года в горкоме ВЛКСМ, а через дорогу – дом. Мы все в начале 90-х были, как подростки. Хоть нам и было всем около 30-ти, но такое время было: мы не знали, что завтра будет. Поэтому жили просто и весело, без всего, не было никакой ни ответственности, ничего» [Азбука имени..., 2017: 78–79].

В то же время нельзя сказать, что уход от темы всегда является объектом сокращения. Иногда поясняющие фрагменты имеют основополагающее значение. Обратимся к фрагменту микротемы «Р. Тягунов и другие» из рассказа Д. Кунилова: «Круг его знакомых, он просто поражал. Это было невозможно. Можно было поймать на Уралмаше где-то такси, и это был какой-то

его знакомый, допустим, из полубандитских, понятно, вещей. И в то же время с Женей Ройзманом общались. И тут же попасть в другую компанию, к Касимову, например. Везде он был своим. Это часть его жизни. Я думаю, еще там много неизвестности. Собственно, это и накапливалось потом. И в результате и привело к этой трагедии.

Это было просто неотделимо. Как на Вайнера выходишь, там золото, цепочки, ваучеры. То есть ты идешь, это жизнь внутри тебя. У нас был бухгалтер. Тоже одно время был рядом с этим журналом. Мужик постарше нас, который в один прекрасный день пришел и начал рассказывать какие-то вещи, как в Новоуральск привезли какие-то кухонные комбайны. Их надо сейчас купить по 500 рублей, а потом их можно продать по 10 000 рублей. И это было настолько естественно, нормально. Все учились бизнесу, он начинался с того, что купил-продал. Механизм этого всего был, понятно, полубандитский. Если у тебя есть деньги и ты начинаешь покупать и продавать, явно у тебя есть какая-то крыша».

Ситуация, сложившаяся на ул. Вайнера, и история про бухгалтера, казалось бы, не имеют отношения к Р. Тягунову и подлежат сокращению, но на деле они не только показывают атмосферу эпохи, они служат своего рода оправданием связи поэта с бандитами. Тем более что аналогичным рассуждением построены и другие микротемы воспоминания Д. Кунилова. Не хватает двум абзацам только связки. Вопрос редактирования здесь связан не только вопросами композиции, но также и логики, особенностей построения рассуждения как типа речи. Итоговый вариант стал таким: «Диапазон его знакомых просто поражал. Можно было поймать где-то ночью на Уралмаше бомбилу, и это оказывался его знакомый, допустим, из криминальных кругов. И тут же попасть в другую компанию, к Жене Касимову, например. И в то же время с Женей Ройзманом общались. И везде он был своим.

Но криминал в то время был нормой жизни, это было как-то естественно, неотделимо. Выходишь на Вайнера, там золото, цепочки, ваучеры. Одно

время рядом с нашим журналом тусовался бухгалтер, мужик постарше нас. В один прекрасный день пришел и рассказывает, что в Новоуральск привезли какие-то кухонные комбайны. Их надо сейчас купить по 500 рублей, а потом их можно продать по 10 000 рублей. Все учились бизнесу, он начинался именно с этого: купил-продал. Механизм был, понятно, полубандитский. Если у тебя есть деньги и ты начинаешь покупать и продавать, явно у тебя есть какая-то крыша» [Азбука имени..., 2017: 79].

Вопрос уместности примеров, пояснений встречался и при редактирование воспоминаний других авторов. Так, Е. Охотников рассказывал о Р. Тягунове через призму своей философии времени и пространства, отвлекаясь периодически на рассуждения о времени, рассказах о своих отношениях с отцом, о его печатной машинке. Многие из них остались в тексте лишь в форме упоминания, другие, связанные с Р. Тягуновым, были сохранены. Например, история появления псевдонима Максим Меньшиков, который поэт придумал Е. Охотникову. Важно понимать, что в рамках некролога-портрета такие детали имеют особое значение.

Другие композиционные недочеты: неудачное расположение частей; неоправданное нарушение последовательности изложения; несоразмерность частей; применение неудачных композиционных приемов – также обусловлены устным происхождением воспоминаний, спонтанностью речи и ассоциативной природой механизмов памяти.

Отдельно необходимо упомянуть такой композиционный элемент как заголовок. В рамках первой части издания каждый заголовок отражает эмоциональный центр конкретного воспоминания: ведущую, на взгляд вспоминающего, черту Р. Тягунова, особое отношение к поэту или основу их взаимоотношений. Например, воспоминания жены поэта Н. Герасимовой получили название «Коза Ностра и Брайтон Бич», отсылающее к прозвищам, что супруги дали друг другу.

Если говорить о логических основах редактирования, то нарушения основных законов логического мышления в текстах воспоминания не редки. Нарушение закона тождества запечатлено в ассоциативности памяти, спонтанности и смысловой сжатости устного высказывания, а также механизмами забывания и припоминания.

Например, Е. Охотников рассуждает о воплощении замыслов в реальности, но резко вспоминает про другую микротему: «Когда ты думаешь – это четко, записываешь – сразу видишь нестыковку. Так сколько не воплощено им? Дохрена. Эта идея с палиндромами было, она почти родилась. А помню еще, был балкон, который начал плыть. Если раньше по крыльцу нужно было подниматься к аптеке, то сейчас нужно спускаться. Эту улицу закатали. По моему ощущению, это не Пушкина даже была Пушкинская, я не уверен. Там был классный дворик...».

После завершения микротемы о необычном балконе рассуждение о воплощении замыслов продолжается: «Когда я из «Артикула» уходил, тогда были проблемы с архивацией, так что сомневаюсь, что оно осталось, проекты тем более. Я нашел «Реши, Фишер» во «Фри Хэнде».

В итоговом варианте текста эти микротемы разделены.

Закон противоречия также нередко нарушается в рамках расшифрованных интервью. Так, в разговоре с В. Харитоновым звучит такой фрагмент: «Хотя Рыжего равнять с Ромой очень сложно по возможностям: папа у Бориса был почти академик, условия жизни, библиотека, все остальное. А сам он хоть и рядился под вторчерметовского, был лучшим, аристократ был, это понятно. Но и Ромка не хуже, он был Франсуа Вийон нашего времени, бродячий поэт, сделавший себя сам».

Противопоставление «лучший – не хуже» содержит то самое логическое противоречие. Ясно, что некто лучший существует в единственном числе, а все следующие за ним пусть ненамного, но хуже. Поэтому в ходе правки

сохранено только противопоставление «аристократ – бродячий поэт», отражающее качественное отличие поэтов.

В некоторых случаях нарушение закона исключенного третьего является средством создания образа. Например, А. Застырец так описывает характер Р. Тягунова и его отношения с людьми: «Роман в общении был человек мягкий. Вкрадчивый такой... Не скажу, что легкий. Но – нежный, что ли, ласковый даже. Вряд ли в этом была какая-то корысть или тайна. Просто у него был неконфликтный характер» [Азбука имени..., 2017: 42–43].

А таким помнит поэта Д. Рябоконец: «Увы, он был очень неразборчив с людьми. И сам порой вел себя очень вспыльчиво и рискованно. Например, с художником Виктором Кабановым из-за чего-то так поссорился, что дело дошло до драки. И Роман топором сломал ему нос» [Азбука имени..., 2017: 111].

Два кардинально разных описания подчеркивает противоречивость характера Р. Тягунова, в то же время представляют его облик загадочным, до конца непонятым. Несмотря на тяготение некролога-портрета к документальности, ее абсолютное достижение невозможно по объективным причинам – отсутствие объективных сведений. По этой причине в процессе редактирования нужно аккуратно отнестись к небольшому числу имеющихся фактов – дат, мест, имен, – но не пытаться привести их логической и фактической стройности. Подобное решение позволит создать разноплановый и полный образ поэта в мемориального издания, в том числе с помощью противоречий.

Редактирование текстов мемориального издания с позиции функционально-смысловых типов речи не менее важно, чем работа с композицией и логикой изложения. Приведение текстов к жанру некролога-портрета сосредотачивает внимание редактора на работе с описанием. Особую роль в описании играют прилагательное и существительное, нередко несущие в себе

экспрессивную стилевую нагрузку: «Даже когда Нади не было, Рома там был такой домашненький, скатерочки стелет» [Азбука имени..., 2017: 82].

Об этом необходимо помнить, приступая к первой задаче работы с описанием – устранению несущественных, лишних деталей. Их число велико в силу устного происхождения воспоминаний, стремления рассказывающего добиться понимания слушающего с помощью уточнений. Например, в отрывке из речи Д. Кунилова, который приводился при разборе композиционных недочетов, подробно описывается квартира, где он жил 1990–1991 гг. Оценка деталей описания должна вестись с позиции их важности для раскрытия образа. В данном случае описание квартиры вводилось с целью объяснить, почему Р. Тягунов и другие коллеги проводили много времени в доме Д. Кунилова. Очевидно, что этот факт обусловлен величиной квартиры (большая, трехкомнатная) и ее расположением (недалеко от редакции и центра города), в то время как обстоятельства получения этой квартиры не имеют значения.

Некролог-портрет обращен в прошлое, он воскрешает забытые образы, оживляет ушедшие события. Эта стремление к «оживлению» органически отозвалось в устных воспоминаниях рассказиков. Переходя к описанию внешнего облика, характера Р. Тягунова почти все неосознанно использовали динамическое описание. Работа редактора здесь заключена в работе с глагольными формами, приведению их к несовершенному виду для выстраивания цельного кадра. Так, в речи В. Харитоновой звучит: «Он снял свитер, а под ним оказался еще один, а под вторым - еще. Хотел выглядеть особо. Хотя я тут себе отметил, что он итак был достаточно сбитый, как грибок, такой крепкий гриб-боровик. Такое впечатление было. Вот это стремление выглядеть крепким, сильным, мужественным, таким не то, что мачо, но близкое к тому, что он все может».

После работы с глагольными формами, речевой избыточностью описание приобрело другой вид: «Он снимал свитер, а под ним оказывался еще

один, а под вторым – еще. Хотя он и так был достаточно сбитый, такой крепкий гриб-боровик. У него было стремление выглядеть крепким, сильным, мужественным, таким не то что мачо, но близкое к тому, что он все может». [Азбука имени..., 2017: 125].

Действия выстроились на одной плоскости, приобрели впечатление одновременности, после чего описание переходит в статическую форму. Редакторская правка, таким образом, придает описанию необходимую динамику, оживляет образ умершего в рамках одной сцены, кадра.

В рамках повествования оживление образа происходит уже в масштабах микротема. Главенствующую роль в повествовании играют глаголы прошедшего времени совершенного вида, но экспрессия, оживление действия как настоящего исторического происходит при помощи глаголов настоящего времени. Рассмотрим отрывок из речи Н. Герасимовой: «И после, когда у Ромы что-то не заладилось, он вскочил и побежал – бить этого несчастного литератора. Возвратившись, возмущенно рассказывал, кричал, что тот не мужик, что он открыл ему двери и сразу заорал, позвал детей. Мол, прятался за них от него». Так было иногда».

Стилистическая работа с глагольными формами и способом передачи чужой речи совершенно оживили образ Р. Тягунова: «И после, когда у Ромы что-то не ладилось, он порой вскакивал и бежал – бить этого несчастного литератора. Возвращаясь, возмущенно рассказывал: «Он не мужик! Открывает мне двери и сразу орет, зовет детей. Прячется за них от меня!» [Азбука имени..., 2017: 13].

В след за динамическим описанием одновременных действий следует прямая речь, содержащая настоящее историческое. Если отвлечься на способы передачи чужой речи, то их существует три: прямая, косвенная и несобственно-прямая речь. Самым динамичным, живым, экспрессивным вариантом, конечно, является прямая речь. Поэтому именно таким сочетанием приемов во фрагменте выше достигается максимальная динамика.

Возвращаясь к особенностям редактирования повествования в рамках мемориального издания, нужно отметить еще один момент. Редактор должен анализировать действия (узлы), на которых строится повествование. Если какие-то из них упущены, их следует восстановить.

Наиболее часто теряются при расшифровке как раз действия, связанные с произношением, выражаемые обычно глаголами действия. Дело в том, что письменная речь лишена интонационной составляющей. Это значит, что на плечи редактора ложится задача передать эмоциональный и смысловой аспект с помощью другого инструмента: слова, особого синтаксиса, пунктуации и пр. Например, друг поэта музыкант В. Емелев в процессе интервью неоднократно подражал Р. Тягунову, демонстрируя то, как забавно в манере речи поэта выражалась его стеснительность: «Надо послушать эту песню, там: «Вова, а там можно эти кусочки как-то механически убрать»».

Как видно на примере опущено не только само произносительное действие, не переданы и совокупность особенностей тембра, эмоций, передаваемая первоначально самой пародируемой фразой. После правки отрывок стал выглядеть так: «Надо послушать эту песню, там слышно, как он своим голосом тонким спрашивает: «Вова, а можно эти кусочки как-то механически убрать?»» [Азбука имени..., 2017: 117].

Глагол говорения (спрашивает) и обстоятельство образа действия (своим голосом тонким) в данном случае компенсируют речевую недостаточность, восстанавливают пропущенный повествовательный узел.

Мемориальное издание, нацеленное на осмысление утраты, и функционально близкий некролог-портрет немислимы без рассуждения, действующего как вспомогательная часть текста или как его основа. В рамках многих воспоминаний, например, упоминаемого в начале Д. Кунилова, рассуждение вводится имплицитно, на логико-смысловом уровне. Эксплицитное проявление этого типа речи характерно больше для критических материалов, входящих в состав издания, например – статьи Г. Цеплакова. Так или иначе, рабо-

тая с рассуждением, нужно помнить о его композиции, включающей главную мысль, мыслительные операции и вывод, и соответствии его элементов строгой логике.

Чаще всего рассуждение встречается в микротемах, касающихся и причин и обстоятельств смерти Р. Тягунова. Рассмотрим специфику редактирования этого типа речи на примере отрывка из воспоминаний Д. Кунилова: «Я абсолютно исключая самоубийство. Наша дружба с ним в 90-м, 91-м, мы как подростки все были тогда. Нам хоть и было по 30, но такое время было, оттепель не назовешь, но мы все себя чувствовали, как... мы не знали, что завтра будет. Мы жили просто, без всего. Не было никакой ни ответственности, ничего.

Когда я вернулся в 95-м, у меня уже был ребенок. Он в 93-м родился. У меня была семья. Я вернулся, потому что в Снежинске не было работы. Я вернулся и попал опять в эту рекламную индустрию с теми же людьми практически. Рекламные агентства появились, и я привлек Рому как копирайтера. Уже слово появилось. И все наши дальнейшие с ним общения и отношения, они были связаны с рекламной деятельностью уже на более серьезном уровне. Конечно, кризис у него 98-го, как и у всех.

У него более-менее уже все устаканилось, Рома уже не кухне сидел, он заходил в офисы к людям. «Штольцман и Кац» у него покупало. Все пытались Роме помочь деньгами и прочее. Потом начались выборы, он же работал в Тюмени или в Перми. В этот год 99-й у Ромы все встало на свои места. У него появились деньги. Он все лето проработал на выборах или осень ли, сентябрь. Короче, когда он в ноябре приехал, у него были деньги, у него все было нормально.

Он с этой Наденькой не расставался. У него было отличное настроение. У него были долги. Были долги, но, по словам Нади, он собирался их закрыть, рассчитаться и у него эта возможность была. Он приехал на Новый год, а в январе ему опять туда. А там уже просто штаб, и он про эту работу

говорил. Он там с Дубичевым, по-моему, работал, но там кто-то был. Его кто-то позвал в этот штаб, у него какие-то гарантии были. Там была стабильность. И деньги должны были быть. И никаких причин для того, чтобы прерывать это все не было. Я его видел, буквально, за неделю до этого».

Главная мысль рассуждения «Я абсолютно исключаю самоубийство» заявлена в начале микротемы. Продолжение абзаца, в соответствии с требованиями композиции, как обсуждалось ранее, были было перенесено в другую микротему. С точки зрения построения рассуждения это решение обусловлено повтором: аналогичная мысль будет развита одним из последующих аргументов. Абзац, описывающий дела Д. Кунилова и Р. Тягунова в 1995–1998 гг. не содержит аргумента как такового и имеет прямое отношение к другим обозначенным микротемам (например, развитие отношений, другие встречи с поэтом). Одновременно факты обретения Р. Тягуновым в последние годы, месяцы жизни материального благополучия, появления у него хорошего настроения и веры в дальнейшую стабильность могут быть аргументами в таком рассуждении. Но самым весомым доказательством главной мысль является вовлеченность Д. Кунилова в жизнь поэта, то, что он видел его незадолго до гибели. Именно эта совокупность знаний дала рассказчику сделать вывод о бессмысленности, нелогичности самоубийства. Поэтому после редактирования микротема приобрела такой вид: «Абсолютно исключаю его самоубийство. Я его видел за неделю до этого, у него всё налаживалось. К концу 90-х у нас более-менее уже все устаканилось, Рома тоже не на кухне сидел, он заходил в офисы к людям. Все пытались ему помочь деньгами и прочее. В последний год жизни и у Ромы все встало на свои места. Он все лето и осень проработал на выборах в Тюмени. Когда он в ноябре приехал, у него были деньги, и все было нормально. Он с Наденькой не расставался, у него было отличное настроение. Но у него были и долги. По словам Нади, он собирался их закрыть, рассчитаться, и у него эта возможность была. Он приехал на Новый год, а в январе ему опять надо было в Тю-

мень. Его кто-то серьезный позвал в избирательный штаб, ему дали гарантии, что деньги стабильно будут. И никаких причин для того, чтобы прерывать это все, не было» [Азбука имени..., 2017: 84–85].

Работа над рассуждением подразумевает внимательное следование композиционной логике, отбор и анализ фактов. В то же время, как показывает материал, разделить типы речи в текстах часто практически невозможно. Присуще это не только некрологам-портретам, но и критическим очеркам, входящим в состав издания, например, написанным Г. Цеплаковым.

Название одного из очерков «Наш общий сон – литература»: перелистывая записную книжку Романа Тягунова» сразу отсылает к тем функционально-смысловым типам речи, в которых он изложен: рассуждение и описание. Композиционно это девять смысловых блоков, предваренных небольшой вступительной частью. Порядок частей определен общей для издания хронологичностью и логикой самой записной книжки поэта. Каждый смысловой блок – это рассуждение-описание, доказывающие различные мысли автора относительно Р. Тягунова. Первый блок посвящен погруженности поэта в работу над созданием своего сборника, второй – его увлечение рекламой. Следующие блоки – более сложные, отдельные темы записной книжки порождают цепочки рассуждений. Последний девятый блок подводит итог изучению, обращается к последним месяцам жизни поэта, анализирует причины его смерти.

Очевидно, что на этот текст оказывает действие и фигура поэта, и вхождение в мемориальный сборник: в конечном счете, и этот очерк посвящен осмыслению жизни, смерти и творчества Р. Тягунова. Отличие в том, что здесь не требуется правка-переделка, необходимая для трансформации устного по природе текста воспоминания в некролог-портрет. В случае с очерком Г. Цеплакова достаточно правки-обработки, сосредоточенной в большей степени на стилистике.

Как справедливо отмечает И. Голуб, «работа над стилем произведения – это прежде всего работа над его лексикой» [Голуб, 2010: 125]. Ошибки словоупотребления ведут к искажению смысла текстов. Частой ошибкой на этом этапе являются употребление слова без учета семантики, нарушение лексической сочетаемости слов, особенно контаминация устойчивых сочетаний, что в случае работы с воспоминаниями, обусловлено спонтанностью устной речи. Например: я тогда выпал в ступор, был подступающий милле- ниум, имел неявное отношение, иметь себя в руках, знать его дела не в нашей компетентности и т. д. Подавляющее большинство таких ошибок исправляется заменой слова или незначительной части предложения.

Но больше всего лексических ошибок в текстах воспоминаний связано с речевой избыточностью, например, плеоназмы (планировали будущее, демобилизовался из армии, представлял главную суть), тавтологии (вознаградили гонораром). Все недочеты устранялись сокращением или переделкой предложения. Также имела место речевая избыточность: «Я захожу и из коридора зову: «Рома!» А там типа: «Не заходи сюда!» Какой-то пипец. «Не проходи сюда!» Ор стоит: «Если ты пройдешь, я щас застрелюсь, у меня ружье!» Ситуация такая, мы через коридор, я его не видел, общались часа два. Я сидел, мы разговаривали. Не знал, че у него там правда - не правда. Там истерика такая полная»

В этом отрывке большинство комментариев повторяют информацию, понятную из прямой речи, либо являются словами-паразитами. Очевидно, что такой абзац необходимо подвергнуть правке-сокращению, что и было сделано: «Я захожу и из коридора зову: «Рома!» А он из комнаты кричит: «Не заходи сюда! Если ты пройдешь, я застрелюсь, у меня ружье!» [Азбука имени..., 2017: 81].

Обратная особенность текстов, устных по происхождению – речевая недостаточность, создающая алогизмы. Так случается, когда автор в спешке хочет рассказать сразу о многом, перескакивая с темы на тему: «у Ромы все

время были стихи, он все время посвящал, дарил, все время приносил. У меня не так много рукописных, но вот машинописный. Все время он читал, говорил, что он написал. Говорил стихами. Ну и плюс он же математик. Что подкупало в этом во всем, был маневр цифробуквенный. Потом-то вообще зашился, пока в рекламу не ушел, там какие-то шифры, цифры, буквы. Я сейчас не смогу, ничего не осталось по этому поводу. Но прямо эти цифры писал, листал. Мог начать писать, потом забирал эти все с собой».

Вычленение из рассказа информацию только о манере стихосложения помогло восстановить недостающие слова: «Рома писал стихи и все время кому-то их посвящал, дарил, читал. Он говорил стихами. Ну и плюс он же математик, поэтому у него был цифробуквенный подход. Всё время шифры, цифры, буквы писал, листал» [Азбука имени..., 2017: 78].

В случае возникновения трудностей с восстановлением смысла воспоминания редактор имел возможность связаться с автором и прояснить то или иное место в рукописи.

Приведенный выше отрывок показателен и для работы в синонимическом поле. Устная речь часто не требует разнообразия и точности, поэтому на письме необходимо использование синонимов в их уточняющей и замещающей функции.

Оценка уместности разностилевой лексики должна также входить в поле редакторского зрения при работе с мемориальным изданием, для которого важна эмоциональная подача. В связи с этим особое значение имеет употребление экспрессивной лексики, которая может передать эмоциональное состояние автора, его отношение к вспоминаемому лицу и событиям. В то же время устная природа воспоминаний влечет за собой активное использование авторам разговорной экспрессивной лексики: притерлись, голошишко, писклявенький, домашненький, скатерочки, устаканилось. А с учетом особенностей вспоминаемой эпохи велико число и слов из нелитературного

пласта, даже мата: срача, тусняк, стырил, держать базар, решала (сущ.), посылали на х...

На этом этапе перед редактором встает проблема масштабности стилиевой правки. Уместность каждого стилистически окрашенного слова определяется его функцией в тексте. Так, в следующем отрывке слова «домашненький», «скатерочки» подчеркивают ироническое отношение рассказчика к поэту, который в новых отношениях стал играть роль сына: «Надя о нем заботилась как мама. Это была не девушка, которая от него чего-то требовала. Я раз десять был у них в гостях на Пушкина. Даже когда Нади не было, Рома там был такой домашненький, скатерочки стелет. Для меня это был показатель надежности, стабильности» [Азбука имени..., 2017: 82].

Отношение и чувства рассказчика имеют особое значение при создании некролога-портрета и не менее важны, чем лексика эпохи. Это обуславливает во многих случаях сохранение в тексте нелитературной лексики. Она создает особый авторский стиль, авторское видение образа Р. Тягунова.

Индивидуальность авторского стиля подчеркивают и окказионализмы. Их уместность определяется понятностью для читателя и необходимостью для создания образа.

В воспоминаниях Ф. Емелева (псевдоним – Вова Синий) такие единицы встречаются неоднократно, но сохранен после редакторской правки только один – сделать по-синенькому. Его смысл (сделать аудиозапись с первого раза без репетиций, как это делает Вова Синий) понятен в контексте, потому что в своем рассказе он поясняет значение своего псевдонима и свою жизненную философию. Необходимость обусловлена вспоминаемой ситуацией: рассказчик предлагает Р. Тягунову записать стихи в студии, но стеснительность поэта мешает ему сделать все по-синенькому. Аналогична система оценивания уместности с позиций необходимости и понятности действует и в отношении тропов и фразеологических единиц.

Таким образом, специфика работы редактора над рукописью «Азбуки имени...» обусловлена коммеморативными особенностями мемориального издания и устным происхождением состава основного текста книги – воспоминаний близких Р. Тягунова. Ведущим видом правки этих текстов является переделка, близкая к литературной записи. Объясняется это особенностями трансформации речевого жанра воспоминания в формат письменного жанра некролога-портрета, который наиболее полно отвечает требованиям мемориального издания в случае «Азбуки имени...».

На уровне композиции работа редактора включает формирование хронологической цепи микротем, связанных фигурой Р. Тягунова в представлении рассказчика. Логическая основа редактирования мемориального издания показательна. Внимание редактора сосредоточено на устранении нарушений законов логики, равно как и на сохранении некоторой алогичности, касающейся создания противоречивого, «живого» образа вспоминаемого лица.

Тенденция оживления воспоминаний прослеживается и при работе с функционально-смысловыми типами речи. Редактор обращает внимание на соответствие глагольных форм динамического описания и повествования. Рассуждению как одному из способов осмысления факта смерти редактор также уделяет время, обращая внимание на логичность, последовательность, композиционную стройность этого типа речи, в том числе в рамках работы с критическими материалами, входящими в состав книги.

Редактирование стиля включает последовательную работу по устранению лексических ошибок, чье появление обусловлено устным происхождением воспоминаний, а также оценивание употребляемой в текстах разностилевой лексики, окказионализмов с позиции их роли в формировании индивидуального стиля рассказчика. Наконец, редактирование синтаксиса нацелено на создание динамичности и экспрессивности изложения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Последовательное выполнение всех задач исследования позволило достигнуть его цели: книга «Азбука имени» была выпущена издательством «Кабинетный ученый» в 2017 г.

В процессе выполнения первой задачи исследования было определено, что мемориальное издание – издание, посвященное памяти лица, события, нацеленное на преодоление тяжелого опыта, связанного с завершением события, в том числе трагическим, и смертью лица. Иными словами, коммеморативная цель мемориального издания усложнена специфической функцией – примирение с травмой, полученной обществом вследствие столкновения с фактом чьей-либо смерти или иным негативным опытом. Так, книга «Азбука имени» посвящена памяти поэта Р. Тягунова, погибшего при невыясненных обстоятельствах в конце 2000 г. и имеет сложный читательский адрес, в ядре которого близкие поэта, а на периферии – широкая аудитория читателей, интересующихся уральской литературой. При этом важно, что проведенный в рамках исследования обзор коммеморативных практик, применяемых в отношении Р. Тягунова за 2001–2016 гг., показал, с одной стороны, необходимость в подведении итогов осмысления жизненного пути и трагической смерти поэта, а с другой – появление интереса к его творчеству и фигуре в среде критиков и ученых.

Подобная двоякость отвечает характеристикам мемориального издания. Ведь тесная связь с концептом смерти обязывает этот вид изданий к поиску возможностей понять завершившуюся жизнь объекта коммеморации как нечто осмысленное. В рамках мемориального издания горечь утраты смягчается и сменяется выраженным в той или иной степени утверждением вечной жизни объекта. Подобный способ преодоления смерти восходит к циклической модели мифа. Неслучайно объект коммеморации возрождается

в результатах своих деяний, своем наследии, то есть обретает новую, действительную форму. Однако окончательная, посмертная мифологизация обычно происходит уже в рамках юбилейного издания.

При работе над второй задачей стало ясно, что эти особенности накладывают отпечаток на структурно-содержательные особенности и аппарат издания. Системообразующим фактором оказывается восприятие обществом самого объекта коммеморации. Так, в содержании мемориального издания оказываются материалы, посвященные личности умершего человека, его жизненному пути, обстоятельствам смерти, а также его труды покойного, описание его заслуг, критические научные статьи и т. п. Структура издания обычно определяется хронологическим и тематическим принципами, а также их разновидностями, связанными так или иначе с объектом коммеморации. Анализ современных мемориальных изданий в рамках исследования указал, что, как правило, аппарат мемориального издания содержит предисловие, вступительную статью или хотя бы аннотацию, транслирующую коммерциальную цель книги, а также восприятие обществом, создателями книги факта смерти лица.

Для мемориальных изданий характерна особая эмоциональная подача, связанная с чувствами скорби, печали, вины, радости со слезами на глазах и т. п. Она влияет на содержание и оформление издания. В случае «Азбуки имени» общая подача тяготеет к светлой грусти. В плане оформления самым явным показателем является выбор фотографии для иллюстрации обложки. На фото из архива М. Гордиенко запечатлен 20-летний Р. Тягунов, начинающий восхождение на гору. В воспоминаниях женщины снимок обретает символическое значение молодого поэта готовности «покорить ему одному видимую вершину» [Азбука имени, 2017, 33]. Если говорить о содержании, то эмоциональная подача и другие особенности мемориального издания повлияли на выбор воспоминаний – как основной составляющей книги.

При составлении концепции издания в рамках выполнения третьей задачи исследования было указано, что в состав «Азбуки имени» вошли воспоминания близких Р. Тягунова, критические очерки его творчества, а также подборка его произведений. Структура книги в целом определена принципом авторства, алфавитным и тематическим принципом. Первая часть включает материалы о поэте, созданные разными людьми, расположенные в алфавитном порядке, а вторая – произведения самого Р. Тягунова, расположенные тематически. Алфавитный принцип расположения отсылает к «визитной карточке» поэта – стихотворению «В библиотеке имени меня...», что заявлено во вступительной статье и коррелирует с названием сборника «Азбука имени». Коммеморативная цель книги заявлена в подзаголовке, а отношение к факту смерти заявлено в аннотации.

Наконец, работа в рамках четвертой задачи показала, что специфика редактирования рукописи связана с особенностями трансформации речевого жанра воспоминания в формат письменного жанра некролога-портрета, который наиболее полно отвечает требованиям мемориального издания в случае «Азбуки имени...». Ведущим видом правки текстов является переделка, близкая к литературной записи.

Большое внимание в процессе редактирования уделяется работе над композицией, смысловой, логической стройности микротем. В то же время было обнаружено, что в рамках издания в целом допустима некоторая алогичность, создающая противоречивый, «живой» образ вспоминаемого лица. Оказалось, что тенденция оживления образа, создаваемого в воспоминаниях, прослеживается и при работе с функционально-смысловыми типами речи, стилевой и синтаксической правке, направленных на создание динамичности и экспрессивности изложения.

Исследование также показало, что редактирование стиля включает последовательную работу по устранению лексических ошибок, чье появление обусловлено устным происхождением воспоминаний, а также оценивание

употребляемой в текстах разностилевой лексики, окказионализмов с позиции их роли в формировании индивидуального стиля рассказчика.

Таким образом, в ходе исследования была определена зависимость специфики редакторской подготовки от особенностей мемориального издания. Стоит отметить, что практическая значимость работы заключается в возможности применения материалов исследования при редакторской подготовке других мемориальных изданий. Можно также обозначить возможную научную перспективу исследования – выявление специфики редакторской подготовки юбилейных изданий, также входящих в группу изданий, выпускаемых в честь событий и лиц.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андреева Е. А. Герои прошедшего времени в зеркале некролога // Вестник Томского государственного университета. – 2004. – № 281. – С. 200–206.
2. Антипин Н. А. 50-летие Русско-японской войны в СССР: коммеморативные практики 1954–1955 гг. // Диалог со временем. – 2012. – Вып. 40. – С. 79–93.
3. Антонова С. Г. и др. Редакторская подготовка изданий: учебник / С. Г. Антонова, В. И. Васильев, И. А. Жарков, О. В. Коланькова, Б. В. Ленский, Н. З. Рябина, В. И. Соловьев ; под общ. ред. С. Г. Антоновой, д. ф. н. – М. : Издательство МГУП, 2002. – URL: <https://clck.ru/F3EuK>.
4. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – URL: <https://clck.ru/F3Ero>.
5. Ассман Я. Культурная память. – М. : Класс, 2004. – 368 с.
6. Вельцер Х. История, память и современность прошлого // Неприкосновенный запас. – 2005, – № 2–3. – С. 40–41.
7. Вишленкова Е. А., Дмитриев А. Н. Прагматика традиции, или Актуальное прошлое для российских университетов // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов: коллект. моногр. / пер. с нем. К. Левинсона ; пер. с польск. Д. Добровольского ; под ред. Е. А. Вишленковой, И. М. Савельевой ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Ин-т гуманитарных историко-теоретических исследований им. А. В. Полетаева. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2013 – 386 с.
8. Воробьева О. В. Историческая память и профессиональная историография // Преподаватель XXI век. – 2015. – № 4. – С. 21–32.

9. Вспоминая Романа Тягунова / М. Коновалова // Урал. – 2012. – № 8. URL: <https://clck.ru/F3EyC>.
10. Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.
11. Глебова И. И. В поисках утраченной войны: О Первой мировой в российской истории и памяти // Россия и современный мир, – 2014. – № 2 (83). – С. 93–103.
12. Голуб И. Б. Литературное редактирование: учеб. пособие / И. Б. Голуб. – М. : Логос, 2010. – 432 с.
13. ГОСТ 7.60-2003. СИБИБД. Издания. Основные виды. Термины и определения. – Взамен ГОСТ 7.60-90; введ. 2004 –07 –01. – Минск : Совет по стандартизации, метрологии и сертификации. – М. : ИПК Издательство стандартов, 2004. URL: <https://clck.ru/F3Es3>.
14. Демин А. О. Память об ученых: Юбилейные и мемориальные издания Отдела русской литературы XVIII века Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН // Берковские чтения – 2015. книжная культура в контексте международных контактов. Материалы III Международной научной конференции. – М. : ФГБУН Научный и издательский центр «Наука» РАН, 2015. – С. 140–146.
15. Зипунникова Н. Н. Юбилейный синдром, «юбилеемания», лаборатория коммеморации или..? Размышления историка права о природе юбилейных изданий // Рос. право: образование, практика, наука. – 2016. – № 5. – С. 28–33.
16. Казарин Ю. В. Поэт Борис Рыжий / Ю. В. Казарин. – М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2016. – 324 с.
17. Казарин Ю. В. Поэты Урала / Ю. В. Казарин. – Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2011. – 484 с.
18. Картаусова Н. В. Некролог как своеобразная форма литературного портрета // Ценности и смыслы. – 2010. – № 6 – С. 90–100.

19. Книговедение: энциклопедический словарь / Н. М. Сикорский. – М. : Сов. энциклопедия, 1982. – URL: <https://clck.ru/F3Eu4>
20. Козьмина Е. Ю. Юбилейный сборник научных трудов: характеристика издания / Е. Ю. Козьмина // Русский язык: человек, культура, коммуникация – IV : сборник материалов Международной научной конференции, 15 апреля — 15 мая 2014 г., г. Екатеринбург. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. – С. 198–208.
21. Комадей А. Сон категории В // Вещь. – 2017. – № 2. – URL: <https://clck.ru/F3vbW>
22. Комаров К. На высоте трагедии // Урал. – 2010. – № 10. – URL: <https://clck.ru/F3Eun>.
23. Коняева Ю. М. «Ушедшие в вечность»: речевая репрезентация творческой личности в некрологе / Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – СПб. : Санкт-Петербургский гос. ун-т. – 2017. – С. 443–454.
24. Курицын В. Роман Тягунов // Уральская поэтическая школа: энциклопедия / сост. В. О. Кальпиди. – Челябинск : Десять тысяч слов, 2013. – С. 397–399.
25. Левитт М. Ч. Пушкин в 1899 году // Современное американское пушкиноведение. СПб. : Акад. проект, 1999. – С. 21–41.
26. Лозовский И. Н. Федосова С. В. Мемориальная работа в органах внутренних дел Российской Федерации: из опыта УМВД России по Курской области // Русский некрополь в Белград: материалы международного историко-патриотического Форума и международной научно-практической конференции. 2017 г. – Курск : Юго-Западный гос. ун-т, 2017. – С. 103–110.
27. Лотман Ю. М. Смерть как проблема сюжета // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М. : Гнозис, 1994. – С. 417–430.

28. Маурер Т. Новый подход к социальной истории университета: коллективная биография профессоров // «Барометры» или «маяки» общества? Избранные статьи по социальной истории русских и немецких университетов. / пер. Л. П. Комлевой, К. А. Левинсона, В. В. Смекалиной. – М. : Политическая энциклопедия, 2015. – 527 с.
29. Мильчин А. Э. Издательский словарь-справочник. – М. : Юристъ, 1998. – 472 с.
30. Нора П. Проблематика мест памяти Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок / Пер. с фр. Дина Хапаева. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. – URL: <https://clck.ru/F3Eрw>
31. Ожегов С.И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М. : А Темп, 2006. – 934 с.
32. Пономарева М. Г., Калинина А. А. К вопросу о типологической характеристике юбилейных изданий // Человек в информационном пространстве: сборник научных трудов / под общ. ред. Н. В. Аниськиной. – Ярославль : Ярославский гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского, 2014. – С. 52–60.
33. Реклама и полиграфия: опыт словаря-справочника / С. Стефанов. – М. : Гелла-принт, 2004. – URL: <https://clck.ru/F3Est>.
34. Репина Л. П. Культурная память и проблемы историописания. – М. : ГУ ВШЭ, 2003. – 44 с.
35. Романовская Е. В., Фоменко Н. Л. Идентичность и коммеморация // Власть. – 2015. – №7. – С. 81–84.
36. Садовников С. И. Российские и зарубежные мемориальные издания, посвященные жертвам Второй мировой войны // Вестник РГГУ. История. Филология. Культурология. Востоковедение. – М. : Российский гос. гум. ун-т, 2010. – С. 272–285.
37. Сальникова А. А. «Детские» мемориальные тексты в диалоге культур: основные разновидности, специфика, значение // Вестник Казанского технологического университета. – 2013. – № 1. – Т. 16. – С. 330–336.

38. Самойленко Т. В., Лагута Н. В. Жанр «воспоминание» в речи диалектной личности // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – № 54. – С. 126–132.
39. Святославский А. В. Проблемы коммеморативной политики в современных зарубежных социогуманитарных исследованиях // Вопросы культурологии. – 2011. – № 6. – С. 52–56.
40. Сергеева-Клятис А. Ю. Комиссаржевская: мифологизация образа // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2015. – № 2. – С. 72–89.
41. Синегубов С. Н. Проблематика юбилейных изданий ученых ФРГ по предыстории и истории Первой мировой войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 2–1 (52). – С. 175–179.
42. Словарь стандартизованной терминологии по информации, библиотечному и издательскому делу. – М. : ВИНТИ РАН. – 2007. – 129 с.
43. Смирнова Т. А. Особенности изучения исторической памяти и практики коммеморации Первой мировой войны в Великобритании 1918–1939 гг. // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № 4. С. 95–98.
44. Снегирева Т. А. Подчиненов А. В., Литературная биография: традиция и современные интерпретационные стратегии // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. – 2010. – № 1. – С. 97–101.
45. Тертычный А. А. Жанры периодической печати: учебное пособие. – М. : Аспект Пресс, 2000. – URL: <https://clck.ru/F3EzN>
46. Тягунов Р. Библиотека имени меня: стихи / Р. Тягунов ; сост. Е. П. Касимов. – Екатеринбург : Издательский дом «Автограф», 2011. – 176 с.
47. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра: монография / подготовка текста, справочно-научный аппарат, предварение, послесловие Н. В. Брагинской. – М. : Лабиринт, 1997. – 448 с.

48. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. – М. : Академический Проект, 2013. – 460 с.
49. Цеплаков Г. Обращение назад: пограничная ситуация Романа Тягунова / Г. Цеплаков // Урал. – 2012. – № 8. – URL: <https://clck.ru/F3Eyc>.
50. Цыганков Александр Сергеевич Феномен мифологизации событийной истории // Вестник ЧелГУ. – 2014. – № 11 (340). – С. 21–27.
51. Чернышева А. В. Мифологизация реальности и реальность мифа в культуре информационного общества // Гуманитарный вестник. – 2014. – Вып. 1. – URL: <https://clck.ru/F3Evs>

МАТЕРИАЛ

1. 100 лучших художественных книг к 100-летию Октябрьской революции / Л. Н. Макеева ; Э. А. Гашникова ; Ф. М. Мустюкова ; Е. В. Коннова. – Мелеуз : б. и., 2017. – 70 с.
2. Sanguis: служба крови Екатеринбурга. – Екатеринбург : АМБ, 2010. – 66 с.
3. Азбука имени: Роман Тягунов в воспоминаниях, интервью, мнениях и критике. С приложением неизвестных и ранее не публиковавшихся текстов / Н. Колтышева. – М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2017. – 238 с.
4. Айзексон У. Стив Джобс. – М. : Астрель, CORPUS, 2011. – 332 с.
5. Брусилов А. А. Мои воспоминания / А. А. Брусилов. – Посмерт. изд. – М. ; Л. : Гос. изд-во. Отдел воен. лит., 1929. – 249 с.
6. Брусилов А. А. Воспоминания. – Изд 2-е. – М. : Воениздат, 1941. – 262 с.
7. Брусилов А. А. Воспоминания. – Изд 3-е. – М. : Воениздат, 1943. – 262 с.
8. Брусилов А. А. Воспоминания. – Изд 4-е. – М. : Воениздат, 1946. – 262 с.
9. Брусилов А. А. Воспоминания / предисл. д-р ист. наук проф В. В. Мавродин. – М. : Воениздат, 1963. – 287 с.
10. Брусилов А. А. Мои воспоминания / А. А. Брусилов ; ред.-сост. В. М. Шабанов. – М. : РОССПЭН, 2001. – 464 с.
11. Брусилов А. А. Мои воспоминания. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2004. – 446 с.
12. Брусилов А. А. Мои воспоминания / К. К. Семенов – М. : Вече, 2013–2014. – 308 с.
13. Дроботенко С. Михаил Задорнов. Шеф, гуру, незвезда. – М. : Эксмо, 2018. – 140 с.

14. Поликовская Л. В. Злой рок Марины Цветаевой. Живая душа в мертвой петле. – М. : Эксмо, 2013. – 288 с.
15. Иван Айвазовский. К 200-летию со дня рождения / под ред. А. А. Ефимова, – М. : Третьяковская галерея, 2016. – 360 с.
16. Ирвинг С. Происхождение / М. И. Брук, Ю. С. Канцельсон. – М. : Политиздат, 1983. - 478 с.
17. Казарин Ю. В. Поэты Урала / Ю. В. Казарин. – Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2011. – 484 с.
18. Комсомол – формат судьбы / М. Кизилев. – М. : Вече, 2018. – 488 с.
19. Методология педагогики в контексте современного научного знания: сборник научных трудов Международной научно-теоретической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения В. В. Краевского (22 сентября 2016 г.) / А. А. Мамченко. – М. : Институт стратегии развития образования Российской академии образования, 2016. – 390 с.
20. Сергей Аполлинариевич Герасимов: художник и педагог. К 110-летию со дня рождения: сборник. – М. : ВГИК, 2016. – URL: <https://clck.ru/F3Ev4>
21. Янгфельдт Б. Ставка – жизнь. Владимир Маяковский и его круг / Б. Янгфельдт ; А. Лавруша. – М. : КоЛибри, 2009. – 640 с.
22. Чивилихин В. А. Дневники, письма. Воспоминания современников. – М. : Алгоритм, 2008. – 608 с.
23. Шепелев Д. Жанна / Э. Саяхова. – М.: Эксмо, 2017. – 256 с.